

АНТИ-МЯГКАЯ СИЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Настоящая статья посвящена феномену «анти-мягкой силы». В современном политологическом дискурсе понятие «мягкая сила» (soft power) занимает одно из центральных мест. При этом до настоящего времени малоизученной остаётся возможность противодействия государствам чужой мягкой силе. Изучение этого явления в рамках либеральной парадигмы не представлялось возможным ввиду навязываемого ею тезиса о безальтернативности либеральной идеологии. В настоящей статье автор пытается выйти за рамки устоявшихся догм и ответить на вопрос: существует ли анти-мягкая сила как идеология и тип практической политики, которые используют набор средств, призванных защитить государство от воздействия чужой мягкой силы? Теория мягкой силы построена на том, что объект её применения будет готов признать свое вторичное, то есть подчинённое, положение. По этой причине использование мягкой силы возможно только в отношении субъекта, который не обладает большими политическими амбициями, готов взаимодействовать в рамках существующего мирового порядка и, главное, согласиться с превосходством другого игрока и выдвигаемых им норм. Анти-мягкая сила построена на иной основе. Она предполагает, что субъект изначально не готов признать ни превосходство оппонента, ни его правила игры. Он обладает серьёзными политическими амбициями, не признаёт власти над собой каких-либо норм и не готов согласиться на подчинённое положение. Вне зависимости от своей силы или слабости он не будет готов стать «младшим» или «вторым» в сообществе. В период глобализации таких субъектов было не много. Тем не менее обозначившийся в последние пятнадцать лет кризис глобализации может снова сделать их заметной силой в межгосударственных отношениях. Автор утверждает, что анти-мягкая сила неоднократно блокировала влияние одной страны на другую. В её истории можно выделить три основных типа политики: 1) на основе шовинизма; 2) на основе альтернативного идеологического проекта; 3) на основе частичных (сегментарных) ограничений мягкой силы противника. Каждый из них может принести своим основателям как дивиденды, так и политические издержки.

Ключевые слова:

мягкая сила; анти-мягкая сила; культурная политика; идеология; пропаганда; контрпропаганда; либерализм.

В современном политологическом дискурсе понятие «мягкая сила» занимает одно из центральных мест [Алексеева 2016: 5–21]. Библиография по данной проблеме

настолько обширна, что уже требует справочных обзоров [Косачев 2013: 11–18; Лобанова 2017: 77–88]. При этом до настоящего времени малоизученной остаётся

Тезисы настоящей статьи были ранее опубликованы автором в аналитическом комментарии на сайте Российского совета по международным делам. См.: *Фененко А.В.* Возможна ли «анти-мягкая сила»? РСМД. 16 ноября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.11.2019

Дата принятия к публикации: 15.01.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: afenenko@gmail.com

возможность противодействия такому типу воздействия. Это оставляет без ответа ряд вопросов: существует ли в принципе анти-мягкая сила как идеология и разновидность политической стратегии, призванная защитить государство от воздействия чужой мягкой силы? При каких условиях они становятся востребованными? Каковы их особенности?

Наличие подобной лакуны в современных исследованиях объяснимо. Для изучения анти-мягкой силы следует отказаться от политической корректности и поставить ряд неудобных, но неизбежных исследовательских вопросов. Политологи изучают, как воздействовать с помощью мягкой силы на политического субъекта, оставляя в стороне вопрос о том, как объект влияния может защищаться. При изучении «меча» (каковым на сегодняшний день является мягкая сила) встаёт проблема понимания «щита» (каковой теоретически должна стать анти-мягкая сила). В настоящей статье автор делает попытку представить теоретические обоснования концепции анти-мягкой силы, определить её содержание и показать модели реализации в практической политике. В процессе анализа «анти-мягкая сила» будет рассматриваться исключительно как научный концепт, не зависящий от каких-либо политических или идеологических предпочтений исследователя.

1

Несмотря на широкое многообразие работ по теории мягкой силы, в истории интерпретации данного феномена можно выделить три этапа.

Первый — появление самой идеи, что государство способно достичь своих стратегических целей идеологическими и культурными средствами. Её выдвинул ещё в начале XX в. британский политолог Норман Энджелл (1872–1967). В работе «Великая иллюзия», появившейся накануне Первой мировой войны, он указывал, что по мере развития научно-технического прогресса межгосударственные войны становятся всё более разрушительными и не оправдывают затраченных на них финан-

совых средств [Angell 1910]. Гораздо эффективнее, по мнению Н. Энджелла, было бы использовать экономические связи и привлекательные идеологии для отстаивания собственных интересов. Способность государства нравиться своим примером может привлекать на его сторону другие общества и обеспечивать политическое присутствие без оккупации противника.

К концепции Н. Энджелла примыкала теория «культурной гегемонии» итальянского марксиста Антонио Грамши (1891–1937). Последний утверждал, что власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии: механизм власти есть одновременно и принуждение, и убеждение. Гегемония предполагает активное согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу: «управление с согласия самих управляемых». Грамши выделял технологию формирования культурной гегемонии, опирающуюся на три основные группы: 1) «органических интеллектуалов» (идеологов-практиков), формирующих интеллектуальный климат в обществе; 2) традиционную интеллигенцию, состоящую из наёмных работников умственного труда, которые находятся на службе правящего класса; 3) средства массовой информации и систему образования, которые определяют интеллектуальные настроения общества [Грамши 1959: 460–462].

Второй этап, который можно датировать началом 1990-х годов, характеризовался разработкой системного понимания мягкой силы. Им занимался американский политолог Джозеф Най, который предложил понимать под ней «способность добиваться желаемых результатов в отношениях с другими государствами за счёт привлекательности, а не принуждения или подкупа» [Nye 2004: 3]. В структуре внешней политики великих держав он выделял три инструмента: принуждение, плата и притягательность (мягкая сила). Определение Дж. Нае закрепилось в политической науке в качестве общепризнанного. Правда, в письме 2006 года, написанном в журнал *Foreign Policy* [Nye 2006], он указал, что в других

странах (в первую очередь в России и КНР) мягкую силу трактуют как пропаганду, что неверно. Мягкая сила, по словам Дж. Наю, это именно способность государства нравиться своим примером.

В этой связи исключительно важна этиология понятия «мягкая сила». В американском законодательстве право делится на две составляющие: «жесткое» (hard) и «мягкое» (soft). Первое охватывает акты, обязательные для исполнения; а второе — право, отклонение от которого не приводит к санкциям. Оно означает скорее этические нормы, присущие данному обществу, которые предполагается защищать с помощью общественного мнения. Мягкая сила не имеет карательных санкций за неподчинение, но создаёт ситуацию, когда моральный призыв невозможно игнорировать. В такой интерпретации понятие «мягкая сила» эквивалентно скорее терминам «гуманитарная сила» или «привлекательная сила» в русском языке.

В период преобладания «классического» (по Дж. Наю) понимания мягкой силы в начале 2000-х годов в американской литературе были выделены её основные структурные компоненты:

- экономический — инвестиционная и финансовая привлекательность государства;
- гуманитарный — привлекательность образовательной системы страны, её научной и технологической деятельности;
- культурный — международное признание культурного наследия государства; расширение межкультурных коммуникаций; популяризация национального языка; туристическая привлекательность;
- политический — развитие политических институтов демократии; защита прав человека;
- дипломатический — эффективность переговорного процесса; способность к предотвращению агрессии; нейтрализация угроз [Holik 2011: 223 — 254].

Механизмами для реализации мягкой силы должны были стать экономическая,

публичная и культурная дипломатия. Они были призваны не просто создать привлекательный образ субъекта в глазах населения и истеблишмента другого государства. Гораздо большее значение уделялось опутыванию элит других стран комплексом взаимосвязанных отношений, содействие усвоению ими чужих экономических норм и моделей [Cooper, Hocking, Maley 2008]. Публичная дипломатия получила новое наполнение, став механизмом формирования положительного образа страны в глазах общественности другого государства и одновременно воздействия на его элиту [Leonard 2002]. Этот процесс облегчался появлением системы спутникового телевидения, а затем и спутникового интернета — впервые в истории государства получили возможность транслировать свою точку зрения и, соответственно, воздействовать на зарубежную общественность. Политика информационного воздействия интегрировала два элемента: технологический (регулирование процесса развития компонентов информационной среды) и содержательный (приоритеты коммуникационной деятельности участников общественно-политического процесса).

Третий этап в понимании мягкой силы стоит отсчитывать с начала 2010-х годов, когда этот термин стал обозначать набор манипулятивных технологий, призванных разрушать отдельное общество. В России такая трактовка стала утверждаться после публикации 27 февраля 2012 г. статьи премьер-министра В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»¹. В ней российский лидер указал на опасность, которую может представлять использование мягкой силы внешними субъектами. «В ходу всё чаще такое понятие, как “мягкая сила” — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счёт информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстре-

¹ Путин В. Россия и меняющийся мир. Московские новости, 27.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>

мизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств», — писал В.В. Путин. Этот подход к пониманию мягкой силы породил серию работ, рассматривающих её как систему вмешательства во внутреннюю политику государств [Бурлинова 2014: 28–35; Паршин 2014: 14–21].

Похожая ревизия понимания мягкой силы происходила и на Западе. Ещё в 2004 г. британский историк Найл Фергюссон указал на её связь с империализмом [Fergusson 2004]. «Мягкая сила» — согласно его определению, лишь «бархатная перчатка, скрывающая железную руку» [Fergusson 2004: 24]. В 2017 г. американские политологи Кристофер Уолкер и Джессика Людвиг из Национального фонда в поддержку демократии предложили термин «острая сила» (*sharp power*) [Walker; Ludwig 2017: 6–94], которую они определяли как форму внешнеполитической деятельности, предполагающую использование средств манипулирования общественным мнением в других странах и направленную на подрыв их политических систем. По мнению К. Уолкера и Дж. Людвиг, данный термин можно применять только к авторитарным режимам. Причём авторы не скрывали, что имеют в виду Россию и КНР, а «острая сила» обозначает воздействие этих двух государств на демократические страны с целью подрыва их политических систем, введения их общественности в заблуждение, ограничения свободы слова, сокрытия или отвлечения внимания от негативной информации о своей стране за рубежом. Такое определение острой силы политически наивно. Авторы словно удивлялись самому факту, что какие-то крупные игроки могут применить мягкую силу в отношении самих США, хотя идеологическая борьба — неотъемлемая часть всей мировой истории.

Тем не менее за этой кажущейся наивностью скрывается важное политическое явление: концепция мягкой силы в её современном понимании — продукт американской политической культуры. Соединённые Штаты до настоящего времени ещё не сталкивались с противником, отрицающим их *a priori* и не желающим не только принимать, но даже обсуждать американскую привлекательность. Политика мягкой силы США реализовывалась в благоприятной среде, будучи направленной на государства:

- находящиеся под прямым военно-политическим контролем (Германия, Италия, Япония после Второй мировой войны);
- воспринимающие США как защитника своей безопасности (страны Западной Европы в период «холодной войны», страны Восточной Европы после её окончания);
- имеющие элитные группы, симпатизирующие культуре и идеологии Соединённых Штатов (поздний СССР, страны постсоветского пространства).

На последней группе объектов воздействия США следует остановиться особо. В американской литературе по мягкой силе распад «социалистического сообщества» и СССР нередко преподносится как триумф американской привлекательности². Такая трактовка игнорирует то, что Советский Союз не был для США экзистенциальным противником, отрицающим их право на существование. Здесь уместно вспомнить размышления отечественного американиста В.О. Печатнова: «Любопытно, что в советское время официальная пропаганда СССР не пыталась сеять ненависть к американскому народу, отделяя его от “реакционных кругов США”» [Печатнов 2006: 51]. Даже в пиковые кризисы «холодной войны» в советском обществе не было ни милитаризма, ни болезненной ненависти к гражданам США, которые характеризовали взаимное восприятие граждан евро-

² *Figes O.* Who Lost the Soviet Union? // The New York Times. 20 January 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/2002/01/20/books/who-lost-the-soviet-union.html>; Laiiy, Kathy. Crimea-happy Russians want Gorbachev to pay for loss of Soviet empire // Washington Post. 10 April 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/crimea-happy-russians-want-gorbachev-to-pay-for-loss-of-soviet-empire/2014/04/10/ffa0f545-8923-4acda016-4a25a937b32a_story.html

пейских стран до Первой мировой войны. Примечательный факт: в СССР не было снято ни одного фильма о победе над странами НАТО в гипотетической «третьей мировой войне» (никаких «Сто часов до Рейна» или «Парад в Брюсселе») напоподобие довоенных фильмов «Первый удар» и «Моряки».

Советская идеология преподносила «холодную войну» как соревнование двух систем, а не борьбу советского и американского народов. При этом понятие «соревнование» означает, что мы признаем противника равным себе и считаем, что у него есть нечто позитивное, что можно перенять и превзойти. Советское общество (прежде всего интеллигенция и либеральные группы партийной элиты) увлекалось американской культурой и образом жизни. Советские аналитические центры знакомили советских читателей с американской литературой под видом «критики буржуазных концепций», а не писали о превосходстве советского народа над американским и/или неполноценности последнего. Советская интеллигенция ловила зарубежные радиоголоса, не испытывая ненависти к США при прослушивании негативной информации о своей стране. Ещё интереснее отношение в позднем СССР к атрибутам американской культуры: консерваторы боролись за их запрет, либералы пытались их достать на полуправильной основе, но ни те, ни другие не испытывали прилива ненависти при их виде.

Интересна и сама постановка вопроса об идеологическом воздействии стран Запада на советское общество. *Во-первых*, не ясно, почему идеологическая пропаганда США не действовала на Германию и Японию в годы Второй мировой войны. Для перекодировки (по крайней мере, внешней) сознания их населения понадобилась оккупация данных стран. *Во-вторых*, сама постановка вопроса об идеологической диверсии предполагает, что объект применения мягкой силы будет готов выслушать соответствующую информацию извне. Опыт показывает: такая пропаганда может достигать целей, только если граж-

дане государства, на которое направлено её применение, готовы (1) прислушиваться к оппоненту; (2) относиться к себе критично и допускать критику со стороны иностранцев и (3) иметь культуру национальной и личной самоиронии. При отсутствии этих характеристик применение мягкой силы не будет возможным.

На обратимость политики мягкой силы указал российский политолог А.А. Байков. Если «жесткая сила» — это исторически преобладающий инструмент влияния и ресурс политики государства или наиболее влиятельных бизнес-структур (действующих как проводник государственных интересов), то «мягкая сила» — это «функция» общества, фактор и призма его восприятия в мире [Байков 2014: 38]. Но восприятие — категория субъективная, а не объективная. Проекция мягкой силы требует наличия миролюбивого общества, которое готово признать, что другое государство может превосходить его. Если мы, например, имеем дело с народом, рассуждающим по принципу «нет крови выше нашей крови» или «нет права выше права нашей нации», то он едва ли воспримет позитивно другую страну, превосходящую этот народ хоть в чём-то.

Можно возразить, что эти условия отсутствуют в трактовке мягкой силы, предложенной Дж. Наем, как способности «добиваться желаемых результатов в отношениях с другими государствами за счёт привлекательности, а не принуждения или подкупа». Однако это не так. Все три определения теории мягкой силы встраиваются в общую концепцию «культурной гегемонии». Они построены на следующих постулатах:

1. *Аксиологический*. Теория мягкой силы предполагает, что потенциальный адресат заинтересуется вашим рассказом о собственных достижениях и попытается посмотреть на вашу страну позитивно. На деле реакция на этот рассказ может быть самой различной и необязательно позитивной — от желания уберечь своих граждан от контактов с носителем мягкой силы до всплеска завистливой ненависти к более успешному конкуренту. Тем не менее апри-

орное неприятие культурного воздействия со стороны адресата мягкой силы заранее выводится за скобки как потенциально невозможная альтернатива.

2. *Системный*. Адресат мягкой силы должен хотеть перенять достижения более успешного государства, а не уничтожить его силовым путем, — например, с целью забрать себе его богатства или повысить свой статус в системе международных отношений. Мягкая сила может быть применена с большей результативностью против противника, дорожащего существующим мировым порядком, но не против ревизионистской державы.

3. *Нормативный*. Объект политики мягкой силы должен принять предложенные ему правила игры. Этот тезис иллюстрирует набор мер, предложенный Дж. Наем. Жёсткая сила предполагает, что у противника нет аналогичной палки, которую он способен применить в ответ. Подкуп означает, что противник готов взять плату, а не рассматривает способ уничтожения субъекта-транслятора. Притягательность возможна, если оппонент готов воспринять превосходство носителя мягкой силы, а не отрицает его безусловно. Если он не принимает оппонента как такового, то три способа навязывания ему силы будут бессмысленны.

4. *Типологический*. Общества, проецирующие мягкую силу и усваивающие её, выступают как идеологически однотипные. Они должны разделять общие ценности, быть относительно миролюбивы, ориентированы на высокий уровень потребления для граждан и, главное, оказаться готовыми взаимодействовать с другими странами в рамках существующего мирового порядка, а не ориентироваться на его слом. Американцы могли воздействовать на советского интеллигента брежневской эпохи, говоря о том, что «СССР незаконно ввёл войска в Афганистан». Воздействовать подобным образом на немца или японца до Второй мировой войны было невозможно, ибо на это последовал бы ответ в духе: «Вот и хорошо, что ввели. А ваша ничтожная страна будет следующей, если посмеет

читать нам морали». В отсутствие хотя бы относительного ценностного консенсуса проекция мягкой силы невозможна.

Совокупность этих методологических аксиом задаёт то понимание мягкой силы, которое сложилось в американской политической науке. Оно в самом деле означает не ведение прямой пропаганды, а способность страны нравиться своим примером, опутывать элиты других стран комплексом связей, а при необходимости влиять и направлять внутриэлитные процессы — вплоть до поддержки смены политического режима. Тем не менее применение мягкой силы возможно лишь там и тогда, где объект воздействия готов её принять или, по крайней мере, относится к ней нейтрально. Там, где элиты настроены к стране-субъекту мягкой силы изначально враждебно или воспринимают её как более низкую культуру, по сравнению со своей, она теряет влияние. Этот вывод позволяет предположить, что противостояние мягкой силе возможно, а значит, возможно и построение анти-мягкой силы. *Если мягкая сила — это способность субъекта нравиться своим примером, то анти-мягкая сила — способность государства сделать оппонента «непривлекательным», «ненравящимся», а в некоторых случаях и «неприемлемым» в глазах своего общества.*

2

Предмет науки о международных отношениях отличается от предмета социальных наук. Объектом изучения первой выступает взаимодействие международно-политических субъектов, комплекс связей между ними. Объектом изучения вторых — сами эти субъекты и происходящие в них внутриполитические процессы, в том числе направленные на формирование их внешнеполитических стратегий. Несмотря на сходство терминов, понятие «власть» (power) во внутриполитическом или социально-политическом контексте, известное из классических работ М. Вебера и Т. Парсонса [Parsons 1951; Weber 1978], не подходит для анализа межгосударственных отношений.

Традиционное понимание власти имело бы смысл в исследованиях международных отношений, если мир был бы единой империей или закрытой иерархической системой вроде средневековой Европы. Поскольку мы продолжаем жить в условиях конкуренции национальных государств, то, говоря о мягкой силе, международники вслед за Г. Моргентау продолжают рассматривать силу (power) как способность конвертировать ресурсы (силовые, экономические, культурные, организационные) в международно-политическое влияние. Мягкая сила в международных отношениях — это способность государств мобилизовывать культурные, информационные и организационные ресурсы в рамках системы межгосударственного взаимодействия.

Терминология анти-мягкой силы должна быть построена на закрытии лакуны в концепции Дж. Ная. Его мягкая сила выступает как вариант «нормативной силы» — способности субъекта производить определенные социокультурные и политические нормы и популяризировать их нормативными методами и инструментами. Соответственно, анти-мягкую силу можно определить как способность объекта воздействия отрицать предлагаемые ему правила игры и/или противопоставлять им собственную альтернативу. *Анти-мягкая сила — предельный вариант нормативной силы, который основан на способности объекта применения мягкой силы отвергать чужие нормы.*

Структуры мягкой и анти-мягкой силы различны. Первая имеет четыре компонента:

- субъект: государство, которое производит и транслирует нормы;
- объект: государство, на которое транслируются нормы субъекта;
- стратегия: наличие у субъекта комплексного плана применения мягкой силы или её спонтанного использования (например, за счёт остатков сформированной в прошлом привлекательности данного субъекта);
- инструменты: набор технологий и практик, с помощью которых субъект проецирует свою мягкую силу на выбранный объект.

Структура анти-мягкой силы выглядит иначе. В ней можно выделить:

- субъект: государство, использующее стратегию отражения мягкой силы другого государства;
- объект: собственное население и население стран-партнёров, которые должны быть защищены от воздействия оппонента;
- стратегия как целеполагание использования анти-мягкой силы внутри страны и за рубежом;
- инструменты: набор технологий и практик, с помощью которых ведётся борьба с оппонентом.

Предметное поле мягкой силы и анти-мягкой силы также различны. Обе эти категории относятся к сфере культурного в широком смысле этого слова противоборства. Однако если к предметному полю мягкой силы относятся преимущественно средства трансляции образа страны вовне, то к сфере анти-мягкой силы — блокировка такой трансляции и одновременно повышение привлекательности образа своей страны для собственного населения. Системы спутникового телевидения, транслирующие новостную картину на окружающий мир, относятся, например, к первой сфере. Системы информационного противодействия им в других странах относятся ко второй.

Анти-мягкая сила не тождественна и контрпропаганде как комплексу мер, направленных на борьбу с идеологическим воздействием противника [Почепцов 2003: 239]. Задачей контрпропаганды выступает дискредитация вражеских идей, разрушение нежелательных информационных сущностей и недопущение их возникновения в будущем. Цель анти-мягкой силы — формирование самой способности общества отвергать (или, как минимум, не воспринимать) подобные сущности. Иначе говоря — формирование общественно-политического дискурса, в рамках которого становится практически невозможным ведение пропаганды. «Контрпропаганда почти всегда стремится к тому, чтобы раздробить возникающие крупные аудитории той или иной идеи, внести раскол в образующиеся сооб-

щества, показать и проявить противоречие в пропагандируемой идее», — писал российский исследователь В. Гатов [Гатов 2015]. Анти-мягкая сила — это формирование способности общества не воспринимать предлагаемые другим обществом дискурсы.

Разницу можно пояснить на нескольких примерах. Оборонительная контрпропаганда использует технологию «контрастной пропаганды» — тенденциозного подбора информации, на фоне которой оценка деталей имиджа принимает нужный оттенок. Такой подбор осуществляется на уровне идей и тем, освещённых в СМИ. Тем не менее он возможен только в рамках общества, которое разделяет некие базовые ценности с носителем пропаганды. Бессмысленно пугать избирателей «гонкой вооружений» в обществе, которое считает войну нормой, а не аномалией. Так же бессмысленно пугать угрозой товарного дефицита общество, ориентированное на решение данной проблемы путём внешней экспансии. В своё время В.И. Ленин писал об опасности «комчванства»³, что говорит об отсутствии в России развитой традиции военного феодализма, где «чванство» исторически воспринималось бы как норма.

Аналогично наступательная контрпропаганда использует технологию «имитационной дезинформации» — внесения изменений в пропаганду противника, придающих ей другое направление и содержание, подрывающих к ней доверие, создающих отрицательный образ. Это требуется только в случае, если общество готово хоть в какой-то форме выслушивать информацию от оппонента. Если же в обществе преобладает отношение к противоположной стороне, как к врагу (по логике: «что бы они ни сказали — мы не верим заранее»), то подобная технология маловостребованна.

Если контрпропаганда нацелена на решение сиюминутной, конкретной проблемы, то анти-мягкая сила призвана сформировать в обществе идеологический дискурс, превращающий его в невосприимчивое к пропаганде. Понятие «анти-мягкой силы» не тождественно разрабатываемой в ЕС концепции «стрессоустойчивости» («resilience»)⁴. Данный термин пока слабо отрефлексирован. *Во-первых*, «стрессоустойчивость» не означает блокировки внешнего воздействия: политическая система определённой страны может быть весьма устойчивой даже при его наличии. (Государства-протектораты, например, могли существовать столетиями, что не мешало им быть зависимыми от внешнего воздействия.) *Во-вторых*, понятие «стрессоустойчивость» ставит вопрос о том, что мы понимаем под «стрессом». Традиционно речь идёт о войнах и революциях. Но войны могут укреплять политическую систему и обеспечивать её стабильность, как, например, Столетняя война (1337–1453) или современные войны на Ближнем Востоке. Революции не всегда ведут к слому политической системы: например, европейские революции 1848 г. свелись по итогам к смене правящей династии во Франции. Анти-мягкая сила как способность не принимать внешнее воздействие может как вызывать «стрессы», так и обходиться без них.

Методологию анти-мягкой силы следует скорее сравнить с теорией «политической культуры». Ещё в 1956 г. американский политолог Габриель Алмонд предположил, что «каждая политическая система встроена в особый структурный образец (pattern) ориентаций на политическое действие», и определил его как «политическую культуру» [Almond 1956: 396–397]. Он также подчёркивал, что термин «идеология» должен пониматься исключительно как «систематическая и эксплицитная формулировка

³ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 44. С. 173. [Электронный ресурс]. URL: <http://leninvi.com/t44/p173>

⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. European Union. Brussels, 12 December 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secureeurope-better-world>

общей ориентации на политику»; на долю политической культуры достались бы «более неопределённые и имплицитные ориентации». Позднее Г. Алмонд, следуя традиции Т. Парсонса, выделил в рамках политической культуры три типа ориентаций: когнитивную, аффективную и оценочную [Almond, Verba 1963]. Иначе говоря, мягкая сила — это теория повышения привлекательности своей политической культуры и, соответственно, ослабления других политических культур. Анти-мягкая сила — это теория блокировки привлекательности и даже отторжения политических культур оппонента.

В 1971 г. критик теории политической культуры Кэроул Пейтмен обратила внимание на исходную посылку, на которой она держится: образцы участия и культура, лежащая в их основании, «не подвержены существенным изменениям» [Pateman 1971: 292, 296]. Американская исследовательница считала это слабостью теории политической культуры. Между тем с точки зрения современного понимания мягкой силы более сильная и стабильная в своей основе политическая культура побеждает более гибкие и нестабильные. Например, распространение американской мягкой силы происходит без какой-либо рефлексии по поводу права США осуществлять лидирующую роль в мире — критикуется только политика отдельных президентов. Соответственно анти-мягкая сила будет комплексом мер по повышению устойчивости собственной политической культуры, её способности не принимать ценности и нормы других политических культур. Удачной или нет оказалась подобная политика — это уже иной вопрос.

Проецировать непосредственно на оппонента свою анти-мягкую силу её субъект не может: ему сначала необходимо прикрыть собственное общество, и только потом он может перейти в контрнаступление. Анти-мягкая сила не может также быть спонтанной: она предполагает изначально запланированный комплекс мер по противодействию мягкой силе противника. Она требует не просто тотального неприятия

оппонента, но и наличия альтернативной ему притягательной идеологии и технических средств информационной и культурной политики. *Такая политика может достигнуть своих целей в случае, если она опирается на целенаправленную государственную стратегию противодействия, которая включает в себя комплекс конкретных мер, превосходящих по эффективности внешнее воздействие.*

3

Французский социолог Серж Московичи в работе «Век толп» [Московичи 1998] попытался смоделировать общество, неуязвимое для пропаганды. Результат ошеломил самого автора и не позволил ему нарисовать картину до конца. «Совершенно неуязвимый» для чужой мягкой силы народ должен обладать следующими характеристиками:

- видеть себя как центр мироздания, относясь к другим обществам с чванливым высокомерием;
- воспринимать войну как нормальное и естественное состояние бытия;
- смотреть на более успешные нации с чувством зависти и ненависти, а не видеть в них эталон для подражания;
- иметь развитую культуру мести и экзальтации своих обид;
- не воспринимать критику со стороны иностранцев, видя в ней недопустимый акт враждебности.

Идеальной оппозицией мягкой силе по С. Московичи выступает шовинизм. Название этой идеологии происходит от имени полубогатыря наполеоновского солдата Николя Шовена, который стал символом крайних форм патриотизма. Шовинизм представляет собой идеологию национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию других народов. Шовинизм отличается от простого национализма, поскольку отвергает не только права другого народа, но и народ как таковой: провозглашает обязательную ненависть к его культуре, обычаям, образу жизни и мировоззрению. На уровне практической политики он выражается в подо-

зрении к собственной власти, если она вступает в диалог со страной, настроенной враждебно, и недоверии к соотечественникам, имеющим личные контакты с представителями другого государства. В истории последних трёх веков можно выделить, как минимум, два случая реализации шовинистического варианта анти-мягкой силы.

Первая — *императорская Япония*. С середины XVI в. японские власти наладили морскую торговлю с Португалией и Испанией и лояльно относились к проникновению в страну миссионеров-христиан. Тем не менее с 1603 г. титулом сёгуна овладели представители клана Токугава, негативно относившиеся к иностранцам и начавшие проводить политику самоизоляции — сакоку. Она предполагала введение запрета на вероисповедание любой иноземной религии и выезда японцев (под страхом смертной казни) из страны без разрешения правительства. В 1614 г. в Японии был введён запрет на исповедание христианства под страхом смертной казни; с 1636 г. иностранцы (португальцы, впоследствии голландцы) могли находиться только на искусственном островке Дэдзима в гавани Нагасаки. Новый режим внешней торговли Японии, введённый в 1641 году, разрешал только китайским и голландским судам два раза в год заходить на рейд порта Нагасаки.

Идеологической основой политики сакоку стало самовосприятие японского общества. Государственное мировоззрение Японии строилось на синтезе религиозных учений — синтоизма, конфуцианства, даосизма и буддизма. Последний Япония позаимствовала в VIII в. в китайском варианте Фасян с характерным для него конфуцианским этатизмом, что предполагало культ государства и власти императора (микадо) как основу идеологии. В синтоистском троекнижии «Кодзики», «Нихонги» и «Кудзики» было заложено обоснование права микадо на престол как потомка

солнечной богини Аматаэрасу [Елисеефф, Елисеефф 1974]. Японцы объявлялись потомками божеств — ками, у каждого клана имелся свой божественный прародитель. Эту концепцию осовременил историк Токугава Мицукуни (1628–1700), создавший исследовательский институт для написания «Великой истории Японии», которую он представил сёгуну в 1720 г. Идеология Мицукуни заложила основу государственного национализма (тэйкосюге), основой которого стал лозунг «Сонно дзёи» («Да здравствует император, долой варваров!») [Купянко, Арешидзе 2010: 193].

Иностранцы (гайдзин) в систему синто не вписывались, что обеспечило им изначально низкое положение в японском мировоззрении. В начале XIX в. японский мыслитель Хирата Ацутанэ, описывая голландцев, утверждал, что у них собачьи глаза, они носят каблуки ввиду отсутствия на ногах пяток и похотливы, как собаки⁵. Японская пресса с удивлением писала, что иностранцы не едят риса, но поглощают мясо, становясь дикими и агрессивными. Отношение к другим народам передавал японский эстамп около 1840 года. «Типы иностранцев: русский, рюкюсец, голландец, кореец и китаец»⁶. Художник свысока показывал соотечественникам, какие типы людей существовали за рубежом. В 1850-х годах, когда западные державы навязывали Японии неравноправные договоры, отношение к иностранцам выражал образ «Белая обезьяна у яшмовых ворот» [Гиля-Новицкая 1990: 6].

Любой иностранец, говорящий по-японски и интересующийся местной культурой, получал наименование «хэнна гайдзин» — странный иностранец. С точки зрения японского мировоззрения иностранцы были неспособны понять японскую культуру как изначально более высокую, в то время как японцы были способны изучить зарубежные культуры. Высшей честью для иностранца в Японии эпохи Эдо (1603–1867)

⁵ Родин С. Краткая история любви и ненависти к европейцам. Arzamas. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/723>

⁶ В настоящее время хранится в Гарвардском музее искусства.

было изображение их в образе японцев. Её удостоились, например, американский коммодор М. Пэрри и русский адмирал Е.В. Путятин, посетившие страну с военными миссиями в 1853–1855 гг.

Принудительное открытие Японии западными державами в 1850-х породило в местном обществе массовое негативное отношение к иностранцам [Симс 2001]. Русский путешественник Ф.П. Купчинский отмечал: «они как бы рады сбрасывать с себя европейские одежды и манеры... ..Любят вспоминать настроения старины в играх и самурайских маскарадах, в публичных национальных шествиях, празднествах, на которых единым духом слетает всё наносное, чуждое им, и живёт только дико весёлая пёстрая толпа азиатов, просыпается жаргон — быстрая крикливая простонародная сокращённая речь, — вспоминаются песни старины о подвигах самурайских воителей. И не любит европейцев такая толпа. Встречая их на улицах дикими криками, хохотом и отборной японской бранью, такая процессия даже небезопасна для европейца-прохожего, если последний не обладает инстинктивным тактом, выдержкой и хладнокровием...» [Купчинский 1911: 62]. Немецкий исследователь К. Ратген отмечал, что сразу после открытия Японии массы требовали изгнания иностранцев, защитником которых выступил микадо [Ратген 1903: 12].

Японская идеология отличалась от идейного наследия русских славянофилов XIX в. культом войны и внешней экспансии. Это мировоззрение восходило к кодексу «Бусидо» — своду правил поведения воина [Кодекс бусидо 2008]. Можно привести несколько показательных цитат из этой книги: «Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить, и умереть, когда правомерно умереть»; «На войне верность самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на вражеские стрелы и копыя, жертвуя жизнью, если того требует долг»; «Если на войне самурая случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать своё имя и умереть с улыбкой

без унижительной поспешности»; «Самурай должен, прежде всего, постоянно помнить, что он может умереть в любой момент, и если такой момент настанет, то умереть самурай должен с честью. Вот его главное дело». Хотя сословие самураев было ликвидировано к 1877 году, на его моральный кодекс продолжали смотреть как на эталон для подражания.

Подобное мировоззрение отвергало слабость. Символичным стал указ императора Муцухито 1871 года, предписывавший всем чиновникам являться на службу не в кимоно, а в европейском костюме [Мещерякова 2009: 246 – 265]. Такое распоряжение обосновывалось тем, что японское одеяние ассоциировалось со слабостью. Пример поданным явил сам микадо на официальных портретах 1873 и 1888 годов, на которых он был изображён облачённым в мундир.

Показательна и эволюция представлений японского общества о Китае. До середины XIX в. значительная часть японской литературы была написана на китайском языке. Между тем в 1882 г. Фукузава Юкичи, один из наиболее влиятельных мыслителей своего времени, писал, что он «целиком завидует британцам и был восхищён их гнётom», будучи в Гонконге. Влиятельный журналист Такаяма Чогйу в 1899 г. утверждал: «Мы восхищены англосаксонским империализмом и надеемся, что наш империализм не отличается от их империализма» [Kitahara 1989]. Китай потерял привлекательность для японцев как слабая держава, которая не выстояла в ходе войн. Соответственно, в китайской культуре не было более ничего ценного.

Подобное мировоззрение обеспечило Японии мощную анти-мягкую силу. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) императорская власть использовала общественные настроения для выработки особой идеологии. Страна начала политику вестернизации, заимствуя западные достижения и политическую систему. Эти мероприятия были призваны увеличить военно-технические ресурсы Японии, в том числе — с целью территориальной экспансии. Усвоение западного (прежде всего — англосаксонского

наследия) успешно купировалось глубокой верой японского общества в изначальное превосходство своей страны над другими народами [Васильева 2002: 49–63]. Конечной целью усвоения зарубежных достижений считалось создание военного потенциала, способного в будущем разгромить европейские державы или, как минимум, подорвать их позиции на Тихом океане.

Транслятором этой идеологии стала японская система государственного образования. Его идеологическую основу составлял императорский рескрипт от 30 октября 1890 года, который зачитывался каждый день в школах страны: «Наши императорские предки создавали нашу империю на широком и прочном фундаменте беспримерной доблести; наших подданных всегда объединяла верность и сыновнее благочестие, красоту которых они демонстрировали из поколения в поколение. Именно в этом состоит слава непоколебимости нашей империи, и именно в этом источник нашего воспитания (...) если когда-нибудь возникнет опасность для государства, отважно вставайте на его защиту; и так оберегайте и поддерживайте благополучие нашего императорского трона, столь же древнего, как небо и земля. Тогда вы будете не только нашими добрыми и верными подданными, но и прославите наилучшие традиции наших предков. <...> Дорога, указанная здесь, несомненно, завещана нашими императорскими предками: ею должны следовать и их потомки, и их подданные, эта дорога — истина на все времена»⁷.

Иной вариант анти-мягкой силы был реализован в *императорской Германии*. Здесь в отличие от Японии она была не результатом традиционного мировоззрения, а конструировалась государственной политикой. Романтическая философия рубежа XVIII–XIX вв. разработала представления о германской культуре как об особой цивилизации, противостоящей «просветительской» Франции. «Германия сделала для идеологии консерватизма то,

что Франция сделала для Просвещения — использовала её до логического конца», — писал немецкий социолог К. Маннгейм [Маннгейм 1994: 578]. Немецкий философ И.Г. Фихте утвердил идею, что воля субъекта конструирует окружающий мир [Фихте 1993: 2–641]; другой философ, Г.В.Ф. Гегель, и вовсе утверждал, что лишь в германском мире «абсолютная идея» познала саму себя [Гегель 1993: 571]. В период революции 1848 г. австрийцы К.Л. фон Брук и Л. фон Штейн разработали концепцию «Срединной Европы» (*Mittel Europa*). Она апеллировала к опыту Священной Римской империи германской нации периода её расцвета (X–XIII веков), когда её правитель считался ведущим монархом Европы [Kann 1980: 88–96].

Германская империя, созданная в 1871 году, стала превращать эти настроения в государственную идеологию. Благоприятный политический фон сформировали быстрые победы Пруссии в трёх войнах с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870), резко усилившие патриотизм и культ армии. В такой атмосфере правительство О. фон Бисмарка (1862 – 1890) создало государственную систему образования, основанную на германском национализме. Важнейшим компонентом этого курса стала «Культурkampf» (*Kulturkampf* – «борьба за культуру») — политика по установлению государственного контроля над Римско-католической церковью. Имперское правительство упразднило Комитет Римско-католической церкви в прусском министерстве культуры, лишило священников права высказываться на политические темы, запретило деятельность Иезуитского ордена и разорвало дипломатические отношения со Святым Престолом. В 1873 г. рейхстаг принял «майские законы», установившие контроль государства над школами, назначениями на церковные должности, отношениями между духовенством и паствой. В 1875 г. в Германии был объявлен обязательным гражданский брак.

⁷ Imperial Rescript on Education. 1890. [Electronic source]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Imperial_Rescript_on_Education

«Культуркампф» позволила взять под государственный контроль систему школьного образования и отстранить от неё Католическую церковь как силу, проповедовавшую космополитические ценности.

Противовесом космополитизму стала концепция пангерманизма: идеология, призывавшая превратить Германию в «большое пространство» за счёт присоединения к ней всех германоязычных территорий [Chiskering 1984]. Как политическое движение пангерманизм зародился в начале 1880-х годов в Австро-Венгрии. В её австрийской части усиливались настроения в пользу отделения немецких земель от Венгрии и присоединения к Германской империи. К концу XIX в. множество народных кружков «ферайнов» (нем. Verein) действовали в провинциях и в Вене. В 1886 г. в Зальцбурге Антон Ланггасснер основал Союз ферайнов (Germanenbund). В 1890 г. во Франкфурте-на-Майне был создан Пангерманский союз (с 1894 года — Всегерманский союз), почетным членом которого стал и вышедший в отставку канцлер О. фон Бисмарк. Целями движения были объявлены оживление патриотического сознания, поддержка немецких интересов за рубежом, содействие энергичной германской политике и колониальной экспансии.

Идеология пангерманизма приобретала при этом высокую эстетизацию. Германское руководство сразу оценило потенциал композитора Рихарда Вагнера (1813–1883). Под покровительством короля Баварии Людвига II (1864–1886) в городе Байройте (Бавария) в 1876 г. прошёл первый вагнеровский фестиваль в специально построенном театре, на котором состоялась премьера полного цикла «Кольцо Нибелунга» [Buchner 2013]. На следующем Байройтском (Вагнеровском) фестивале 1882 г. состоялась премьера «Парцифалья». С этого времени до 1936 года (с перерывом в 1914–1924 годах) Байройтский фестиваль проводился раз в год или раз в два года [Акопян 2010: 52]. Позднее, в Третьем рейхе, он был официальным мероприятием. Значимую роль в этом сыграла невестка композитора — Винифред Вагнер (1897–1980), став-

шая членом НСДАП и другом Гитлера [Stunz 2007: 237–268]. *Музыкально-мистические произведения Вагнера были превращены не просто в государственную идеологию Германии, но и в сконструированное германским обществом представление о своём прошлом.*

Символом немецкой анти-мягкой силы выступил знаменитый замок Нойшванштайн (Schloss Neuschwanstein — «Новый лебединый утёс»). Он был построен в 1886 г. баварским королём Людвигом II около городка Фюссен (юго-западная Бавария). Настенные полотна иллюстрируют мотивы из средневековой легенды о Парцифале, вдохновившей Вагнера к созданию оперы с одноимённым названием [Petzet, Bunz 1995: 46–123]. В интерьере замка важную роль играли также иллюстрации к другим произведениям композитора и старинным германским легендам. В Третьем рейхе начиная с 1933 года, то есть пятидесятой годовщины со дня смерти Р. Вагнера, и вплоть до начала войны в 1939 г. в замке проводились праздничные вагнеровские концерты.

Другим направлением эстетизации пангерманизма стал культ античности. В конце XIX в. под влиянием Рихарда Вагнера и английского философа-германофила Хьюстона Стюарта Чемберлена Европу накрыла волна ариософии: паранаучных теорий об «арийской расе» и поиске мистической «прародины арийцев» [Goodrick-Clarke 1985]. В Германии увлечения ей накладывалось на колоссальное развитие антиковедения. Ещё немецкий историк Якоб Фальмерайер (1790–1861) выдвинул концепцию, что современные греки — это эллинизированные славяне, не имеющие отношения к античным эллинам. Его точка зрения была популярна в немецкой исторической науке: «Не только северная часть [Балкан. — А.Ф.] становится совершенно славянской, но и в Греции поселяются вторгающиеся славянские орды; они не были, правда, настолько многочисленны, чтобы уничтожить... потомков древних эллинов и создать славянскую Грецию, но сильная примесь славянской крови являет-

ся вполне доказанной» [История человечества... 1896: 47–49]. Ещё более жёсткую точку зрения высказывал немецкий историк Фердинанд Грегоровиус (1821–1891): «Ввиду подобных свидетельств со стороны византийцев, ославянение древнегреческих земель следует принять за исторический факт» [Грегоровиус 1900: 54–55]. Немецкие историки разработали концепцию, согласно которой древние эллины были особым вымершим этносом, родственным германцам. «Северные народы» создали на Балканах, как утверждали они, почти идеальные «арийские государства»: ахейскую Грецию, Спарту, Фивы, империю Александра Македонского [Strohm 1997].

Приватизация античности позволяла решить важную политическую задачу. Наследницей Священной Римской империи была держава Габсбургов. Пруссия объединила германские земли, которые до этого не были центром имперского строительства⁸. «Ариософия» позволяла подключить к немецкой истории не только «цивилизацию готов», но также античную Грецию (включая Микенскую культуру II тыс. до нашей эры), а затем и Древнюю Индию. Германская империя получала необходимую легитимизацию за счёт искусственного удревления своей истории на четыре тысячи лет. С точки зрения анти-мягкой силы это был сильный ход: она избавлялась от комплекса неполноценности по отношению к другим ведущим державам (Британской, Российской, Австро-Венгерской) и приобретала комплекс превосходства.

Огосударствление культа античности состоялось в Германии в 1886 году, когда инженер-археолог К. Хуман доставил в Берлин из Османской империи (современная Турция) почти весь Пергамский алтарь. Юбилейная выставка Берлинской академии художеств, проходившая в мае – июне 1886 года, показывала археологические достижения из Олимпии и Пергама [Vickers 1985: 516–519]. Демонстрировалась копия пергамского храма, представлявшая собой

выполненный в натуральную величину западный фасад алтарного цоколя с копиями избранных фрагментов фриза, в том числе группы Зевса и Афины. На выставке также была представлена модель города Пергама II в. до н.э. Фрески Пергамского алтаря, изображавшие победу богов Олимпа в битве с титанами, хорошо вписывались в дух Германской империи с её идеологией нетерпимости к слабости. Здание Музея Пергамского алтаря, построенное в Берлине по проекту А. Месселя в 1912–1930 годах, стало гигантской копией его фасада.

Позднее, в Третьем рейхе, визуальный культ античных образов стал основой массовой пропаганды. Фильм «Олимпия» о берлинской Олимпиаде 1936 г. начинался с медленного оживления статуи древнегреческого атлета, которая превращалась в немецкого спортсмена. Архитектор В. Крайс выбрал Пергамский алтарь как прообраз для Солдатского зала в здании Верховного командования сухопутных войск в Берлине, а также для нереализованного проекта памятника погибшим воинам у подножия греческого Олимпа. Официальные скульпторы Третьего рейха Й. Торак и А. Брекер создали по «пергамской модели» статуи идеальных типажей арийского мужчины и женщины («Суд Париса», «Десятиборец», «Геракл и Иола»).

С середины 1870-х годов культ античной Греции стал неотъемлемой чертой немецкого школьного образования. Дети изучали естественное превосходство эллинов над варварами, культ силы и культ гения, для которого неважно превосходство варваров в материальных ресурсах. Троянская война (XIII в. до нашей эры) и греко-персидские войны (V в. до нашей эры) подавались как символы превосходства арийского духа над другими цивилизациями. Это мировоззрение было близко немецкой стратегической культуре, сформированной ещё в начале XIX столетия военным мыслителем Карлом фон Клаузевицем. Именно он рассматривал войну как «акт насилия, имеющий

⁸ Не случайно, что в немецком языке все германские земли именуются “land”, и только Австрия словом “Reich”, «империя» — Österreich.

целью заставить противника выполнить нашу волю», то есть как торжество воли субъекта (Я) над объективным миром (Не-Я). «Военный гений обуславливается своеобразным направлением духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений», — писал Клаузевиц⁹. В рамках его теории страна с малыми ресурсами могла нанести поражение стране с большим военным бюджетом, населением и экономикой за счёт правильно выбранной стратегии, то есть наличия выдающегося полководца.

Идеология пангерманизма и ариософия перепрограммировали немецкий идеологический дискурс с социального противостояния на идею «строительства империи»: идеологию, постулирующую, что немцам ещё предстоит создать свою империю. У немецкой интеллигенции, в отличие от русской, в то время не была популярной концепция прогресса. Она видела мир как набор дискретных культур, у каждой из которых свой путь и своё восприятие времени [Алленов 2003]. Немецкая школа геополитики, основанная в середине XIX в. Г. Рюккертом и П.А. де Лагардом, рассматривала историю как перманентную борьбу государств за территории, ресурсы и статус. Немецкий философ Ф. Ницше, кумир поколения рубежа веков, возродил популярную в восточной философии концепцию «вечного возвращения»: человечество обречено проходить по своеобразному кругу один и те же ситуации. «У “человечества” нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей». «“Человечество” — пустое слово», — развивал его мысль известный историк О. Шпенглер [Шпенглер 1993: 151]. Между

тем если в мире существует только национальное, то нет и не может быть сравнения одних культур с другими. Германская мысль того времени в отличие от русской отказывала Западу (Великобритании и Франции) в праве быть эталоном прогресса. На него смотрели скорее как на досадную помеху на пути к восхождению германской культуры, которую в идеале следует устранить.

В Германии (особенно прирейнской) существовала и либеральная традиция, однако она была придавлена прусским интеллектуальным дискурсом. Критерием оценки эффективности государства становилась его способность выигрывать войны. Такая интеллектуальная атмосфера делала немецкое общество малоуязвимым для иностранной пропаганды. Последняя могла действовать на советского интеллигента брежневской эпохи, доказывая ему, что уровень жизни (а также политические свободы) на Западе выше, чем в его стране. Немецкая интеллигенция начала XX в. была настроена иначе. «Мир принадлежит герою, а не торговцу», — писал Артур Мёллер ван ден Брук в 1906 г. Макс Шелер издал в 1915 г. книгу «Гений войны и немецкая война». «Мы — Божий народ. Как немецкая птица — орёл — летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех окружающих его народов и взирать на них с безграничной высоты... — писал Вернер Зомбарт. — Милитаризм — вот проявление немецкого героизма. Это Потсдам и Веймар в их высшем синтезе. Это «Фауст» и «Заратустра» и бетховенская партитура в окопах». «Народ “в хорошей форме” — это изначально воинство, глубоко прочувствованная внутренним образом общность способных носить оружие», — развивал его мысль Освальд Шпенглер¹⁰. Не Гитлер, а А. Мёллер ван ден Брук предложил делить историю Германии на «Рейхи»: Первый (Священная Римская империя X–XIII веков), Второй (кайзеровский 1871–1918) и Третий (будущий).

⁹ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html>

¹⁰ Приведённые цитаты взяты из статьи: [Свасьян 1993: 106–107].

Итоги немецкой политики в области анти-мягкой силы подвёл русский философ Н.А. Бердяев. Описывая немецкое общество времён Первой мировой войны в статье «Религия германизма», он указывал: «Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организованно и дисциплинированно» [Бердяев 2007: 174]. Ему вторила британский историк Барбара Такман: «Изобилуя энергией и честолюбием, сознавая свою силу, впитав идеи Ницше и Трейчке, эта нация считала себя наделённой правом господствовать и в то же время обманутой, потому что остальной мир отказывался признать это право»¹¹. С её мнением перекликается точка зрения видного немецкого историка Эрнста Нольте, что нацисты не создали принципиально новой идеологии: они просто придали массовый характер элитарным проектам Второго рейха [Nolte 2006].

Можно спорить о том, насколько точно Н. Бердяев и Б. Такман описали Германию того времени, но сложно не согласиться с тем, что перед нами — описание культуры, непроницаемой для воздействия чужой мягкой силы. Её можно сокрушить войной, но ей нельзя «понравиться примером». Тем не менее шовинизм как анти-мягкая сила имеет ограничения:

- неспособность долго существовать в мире: его негативная энергия неизбежно потребует выхода в виде войны;

- невозможность проецировать свою мягкую силу: у соседних народов шовинистическая культура может вызывать только отторжение и ненависть;

- возможность построения «манипулятивных шовинизмов» в малых и средних странах посредством информационных технологий.

Последний случай хорошо демонстрирует опыт «цветных революций» начала

XXI в. Главными лозунгами переворотов в Грузии (2003) и на Украине (2014) были крайний национализм — вражда по отношению к национальным меньшинствам и России. Это означает, что великие державы с помощью имеющихся технологий могут выращивать шовинизм малых и средних стран, натравливая его на стратегических конкурентов. Подобный «манипулятивный шовинизм» будет порождением чужой мягкой силы и может быть использован ей в своих интересах.

4

Другой вариант анти-мягкой силы — создание позитивного идеологического проекта, альтернативного иностранному воздействию. Его суть состоит в том, чтобы противопоставить чужой мягкой силе свою идеологию. Такой вариант сложнее простого шовинизма. Альтернативный проект должен давать всеобъемлющее объяснение настоящему и предлагать позитивную историческую перспективу. По логике: «пусть мы живём хуже, но зато мы строим новое общество, и будущее за нами, а не за нашими врагами».

Пионером создания альтернативного проекта защиты от чужой мягкой силы можно считать *Великобританию*. Её длительная борьба с Францией в XVIII — начале XIX в. носила не только военный, но и культурно-идеологический характер. Французская революция под влиянием Просвещения апеллировала к образцам классической античной культуры — республиканским Афинам и Риму. Стиль державы Наполеона Бонапарта — ампи́р — строился на подражании образцам ранней Римской империи. Великобритания, в противовес Франции, начала создавать культуру романтизма, основанную на культе европейского Средневековья. Французским ценностям рационализма она противопоставляла идеи христианства и национальные традиции развития страны. Британский культ Средневековья получил практическое воплоще-

¹¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/tuchman/01.html>

ние в виде исторического романа как литературного жанра, возрождения архитектуры средневековых замков как прообраза жилых и административных зданий и концепции английского парка как заброшенного романтического сада с псевдосредневековыми руинами.

В результате Великобритания стала практически единственной страной Европы, элита которой избежала общего увлечения французским языком, культурой и идеями французского Просвещения. Британское влияние шагнуло на континент, став прибежищем для всех недовольных французской гегемонией¹². После окончания Наполеоновских войн в 1815 г. Европу на полвека и вовсе охватила «эпоха романтизма», то есть увлечения британской культурой. Для неё были характерны (1) представления о самоценности творческого индивида; (2) культ сильной личности и рыцарской культуры европейского Средневековья. Британская анти-мягкая сила превратилась в мощную мягкую силу Лондона, которая позволяла укреплять его влияние на элиты континентальной Европы.

Похожий путь проделала анти-мягкая сила *США*. Историк А. Шлезингер-мл. доказал, что в основе американской политической культуры лежало мировоззрение переселенцев-пуритан, которые после Английской революции середины XVII столетия отправились за океан с идеей построения «Града на холме» — общества, создаваемого «с чистого листа» на основе единственно верного учения [Шлезингер 1992: 15–40]. Их преемниками стали «отцы-основатели» США в конце XVIII века, которые позиционировали создаваемую страну как мессианское государство свободы — возрождение Древнего Рима¹³. При вступлении в должность президента Дж. Вашингтон так определил предназначение Америки: «Сохранение священного огня

свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Ему вторил А. Гамильтон: «Американцы имеют возможность своим поведением и примером решить важный вопрос: действительно ли человеческие сообщества способны устанавливать хорошее правление, опираясь на свои рассуждения и свободу выбора, или же им навсегда суждено в деле своего политического устройства зависеть от случайностей и силы?» (цит. по: [Шлезингер 1992: 26]).

Отсюда проистекает важная черта американского мировоззрения, делающая американцев малоуязвимыми для чужой мягкой силы — подчёркнутая внеисторичность. «Сегодня, несмотря на все меры по сохранению исторических памятников и многочисленные празднования юбилеев по рецептам шоу-бизнеса, мы в основе своей стали в том, что касается интереса и познаний, народом без истории, — писал тот же А. Шлезингер. — Бизнесмены согласны с Генри Фордом-ст., что история — это чепуха. Молодёжь больше не изучает историю. К ней поворачиваются спиной учёные, весь энтузиазм которых сосредоточен на отрицающих историю бихевиористских “науках”. По мере ослабления исторического самосознания американцев в образующийся вакуум хлынула “мессианская надежда”». Американцам кажется, что каждый их шаг — единственный и не имеющий аналогов в истории, и всё, что они делают, происходит в первый раз [Almond 1950: 29–68]. Едва ли случайно, что именно в США появилась концепция «конца истории», постулирующая, что либеральная цивилизация ликвидирует все противоречия.

С конца XIX в. американский мессианизм стал выходить на международную арену. В послании конгрессу 2 декабря

¹² Можно вспомнить Английский парк в Мюнхене, «парковое королевство» Дессау-Вёрлитц в Саксонии, парки в Гатчине и Павловске под Санкт-Петербургом или Воронцовский парк в Алушке.

¹³ Вовсе не случайно, что в Вашингтоне есть свой Капитолийский холм, на котором — как когда-то в Риме — заседает свой, американский Сенат.

1904 г. президент Теодор Рузвельт заявил: «...бывает мир, которого мы не можем желать, который в долгосрочной перспективе разрушителен не менее, чем война... Мир деспотического террора, мир, в котором притесняются слабые, мир несправедливости должен быть отвергнут, как мы отвергаем несправедливую войну». «Америка единственная идеалистическая нация в мире, — заявил президент Вудро Вильсон в 1919 году, — Сердце этого народа чистое. Сердце этого народа верное... Это великая идеалистическая сила в истории... Я, например, верю в судьбу Соединённых Штатов глубже, чем в любое иное из дел человеческих. Я верю, что она содержит в себе духовную энергию, которую ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества...» (цит. по: [Шлезингер 1992: 23]).

На первый взгляд идея свободы, приватизированная американцами, стала основой их мягкой силы. Вместе с тем в ней заложен и потенциал анти-мягкой силы как самозащитного механизма. «Американцам трудно понять, почему другие страны не хотят скопировать практики и институты, доказавшие своё преимущество в США... — писал об этом российский политолог А.Д. Богатуров. — Стремление “обратить в демократию” против воли обращаемых (в Ираке и Афганистане) — болезненная черта американского мировосприятия. Ирония по этому поводу вызывает в Америке недоумение или холодную отстранённость» [Богатуров 2004]. Российскому политологу, хотя и в более мягкой форме, вторит британский исследователь Анатоль Ливен: «Тех, кто приезжает в Соединённые Штаты, зачастую поражают эти назойливые внешние проявления и изобилие символов осознанного национализма. Детей учат отдавать честь государственному флагу, а граждане, стремящиеся продемонстрировать свой патриотизм, вывешивают национальный флаг над своим домом. Слово “американский”

произносится с таким пафосом, что сразу же становится ясно: “американский” гражданин, или обычай, или какой-либо институт обладает широким набором исключительно положительных качеств. Выражение “типичный американский парень” приобрело уже иронический оттенок, но тем не менее большинство американских родителей страстно желают видеть своих сыновей именно такими» [Ливен 2015: 23–24]. *Вера американцев, что их страна выступает «незаменимой» для человечества, сделала сами США малоуязвимыми для чужой мягкой силы.*

Поздний СССР не смог защититься от американского идеологического влияния. Изначально Советская Россия обладала мощной мягкой силой: после создания в 1919 г. Коминтерна она выступала глобальной левой альтернативой создающемуся Версальско-Вашингтонскому порядку. Прошедший летом 1920 г. II конгресс Коминтерна принял Устав, который определил его как «партию революционного восстания международного пролетариата»¹⁴. Был создан отдел международных связей Коминтерна, призванный повысить координацию действий коммунистических партий — по сути спецслужба. В Советской России стали открываться представительства зарубежных компартий, учебные центры Коминтерна, где готовились кадры профессиональных революционеров из числа иностранных граждан для работы в соответствующих странах. Выдвинутый И.В. Сталиным в 1924 г. тезис о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране» первоначально не отвергал, а лишь подтверждал эту стратегию: речь шла о построении альтернативы всем существовавшим на тот момент государствам.

Сильной стороной советской мягкой силы была её антиколониальная направленность. На II конгрессе Коминтерна В.И. Ленин подготовил тезисы, в которых предложил воспользоваться позицией стран Антанты и Лиги Наций по колони-

¹⁴ Устав Коммунистического Интернационала. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/front/com/congress022.htm>

альному вопросу¹⁵. Коминтерн, по его мнению, должен был сблизить трудящихся всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение капитализма. В сентябре 1920 г. под эгидой ассоциации в Баку состоялся I съезд народов Востока, на котором председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев определил российско-британское противостояние «узловым пунктом» современности — противоборство возникающей мировой коммунистической системы (пока в лице Советской России) с планетарной капиталистической (в образе Великобритании). Эти положения закрепил принятый делегатами съезда «Манифест к народам Востока» [Соркин 1961]. Для реализации провозглашённых на съезде задач был образован Совет пропаганды и действия народов Востока. Успех советской мягкой силы был настолько велик, что страны Запада приняли ряд законов об ограничении деятельности Коминтерна.

Однако попытки СССР предпринять комплекс защитных мер против американской (шире — западной) мягкой силы в годы «холодной войны» оказались неудачными. Меры информационного противодействия, используемые Советским Союзом (прежде всего — ограничение западного вещания на своей территории), во многом осуществлялись по американской модели. В 1960 г. ЦК КПСС и Верховный Совет СССР приняли постановление «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде»¹⁶. Радиоприёмники и магнитолы, завозимые в страну официально, были выпущены специально для СССР и имели только советские КВ и УКВ диапазоны. Дальнее распространение радиоволн короче 20–25 метров нестабильно — приём заметно ухудшается ночью, особен-

но зимой, и сильнее зависит от солнечной активности, чем на более длинных волнах.

Дело было не только в том, что для опытного радиолюбителя не составляло труда перестроить приёмник на другие диапазоны. О неспособности советской антимягкой силы противостоять американской пропаганде свидетельствовала озвученная в 1987 г. инструкция для «Радио свободы». Её сотрудникам запрещалось (1) подстрекать или провоцировать свою аудиторию к бегству из стран проживания в западные страны; (2) озвучивать факты о быте сбежавших из соцстран на новом месте жительства и озвучивать информацию, которая может вызвать у аудитории потребительские настроения; (3) рассказывать о конкретных обстоятельствах предоставления политического убежища ранее сбежавшим гражданам соцстран¹⁷. Это означало, что тема эмиграции интересовала значительный сегмент граждан социалистических стран. Запад не воспринимался ими ни как реальный враг, ни как объект для экспансии, ни просто как неинтересное пространство.

Перемену в настроениях «довоенного» и «послевоенного» социализма уловил писатель В. Войнович. «Давно прошли те счастливые для советской пропаганды времена, когда массы народа откликались на противоречивые призывы партии, с энтузиазмом строили заводы в Сибири или “защищали” свободу в Испании, на демонстрациях восторженно размахивали флагами и портретами вождей, сходили с ума от счастья, если удавалось увидеть хотя бы издаലെка Ленина, Троцкого или Сталина, прикалывали к груди красные банты и давали своим детям революционные имена. (...) Теперь советский молодой и не очень молодой человек с душевным волнением произно-

¹⁵ Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 41. С. 141–212. [Электронный ресурс]. URL: <https://leninism.su/works/80-tom-41/1211-tezisy-ko-ii-kongressu-kommunisticheskogo-internatsionala.html>

¹⁶ Пыжиков А. Как в СССР впервые услышали «вражеский голос» из-за океана // Аргументы недели. 24 февраля 2015. [Электронный ресурс]: <https://argumenti.ru/history/2015/02/389855>

¹⁷ Voice of America and Liberty: Strange Policies. // Hearings on Federal Government's Handling of Soviet and Communist Bloc Defectors before the United States Senate Permanent Subcommittee on Investigations, Washington, D.C., October 8, 1987. P. 6 (406).

сят не революционные лозунги, а названия разных западных фирм и вещей. Слова “Честерфильд”, “Панасоник” или “Мерседес” говорят его сердцу гораздо больше, чем “Свобода, равенство и братство”. Иностранная одежда предпочитается не только благодаря её истинным достоинствам. Стоимость джинсов резко возрастает в цене, если на заднем кармане есть заметная этикетка с надписью “Мустанг” или “Ли”, и резко падает, если такой этикетки нет»¹⁸.

Любопытная деталь: в годы «холодной войны» КГБ требовал от выезжавших за рубеж советских граждан вступать как можно реже в контакты с иностранцами. В 1920-х годах, напротив, преобладал подход «вступайте за границей в дискуссии с иностранцами и побеждайте в них!». (Отсюда вырос знаменитый призыв В.В. Маяковского: «Читайте, завидуйте: я — гражданин Советского Союза!») В первом случае господствовала пассивная оборона; во втором — активное наступление. Неудивительно, что в годы «холодной войны» СССР глушил западные радиоголоса, а до Второй мировой войны — Запад (включая США) глушил радиостанции Коминтерна.

Негативным моментом в развитии социалистической идеологии стал подрыв веры в советский проект самих его носителей после XX съезда КПСС (1956). Здесь уместно процитировать советского писателя А.Н. Рыбакова, который в романе «Дети Арбата», характеризуя граждан СССР начала 1930-х годов, подчёркивал: «Они могли спорить, ссориться, но были непоколебимы в том, что составляло смысл их жизни: марксизм — идеология их класса, мировая революция — конечная цель их борьбы, Советское государство — несокрушимый бастион международного пролетариата (...) Их сердца наполнялись гордостью. Вот она, их страна, ударная бригада мирового пролетариата, оплот грядущей мировой революции. Да, они живут по карточкам, от-

казывают себе во всём, зато они строят новый мир»¹⁹. Потеря веры в строительство нового мира позволила США навязать советским гражданам иной дискурс: сравнение своих материальных успехов с достижениями СССР.

Другой причиной слабости советской анти-мягкой силы стало появление большого числа латентно антикоммунистических государств. Социализм крепко утвердился в странах, где он был самостоятельно установлен: СССР, Китай, КНДР, Куба, Югославия. Он очень плохо приживался в странах Восточной Европы, где население считало его навязанным извне. В первом случае народы считали социализм «своим»; во втором — «чужим». Массовые антисоветские выступления в Восточной Европе 1956 г. продемонстрировали Москве всю ненадёжность союзников по Варшавскому договору. С этого времени СССР заключил с ними своеобразную сделку: «Стройте свой социализм в ответ на внешнюю лояльность». Неудача советского опыта в этих странах сама по себе порождала сомнения у граждан СССР в перспективах социалистического проекта. В не меньшей степени их стимулировали успехи социал-демократии в ряде европейских стран вроде Швеции, Норвегии и Австрии. Они демонстрировали, что можно строить более успешный (по крайней мере, с точки зрения товарного насыщения рынка) социализм без КПСС.

США в 1960-х годах перехватили у СССР его традиционный проект: борьбу за освобождение всевозможных меньшинств. Американской мягкой силой стала не столько идея величия Соединённых Штатов, сколько предложение молодёжи левоберальной идеологии через коммерческую масскультуру. Произошло то, о чём писал российский искусствовед Александр Генис: «С тех пор как внешнее вытеснило внутреннее и мир надел джинсы, у коммунизма не осталось шансов» [Генис 1994].

¹⁸ Войнович В. Антисоветский Советский Союз. М.: Материк, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29755&p=9>

¹⁹ Рыбаков А.Н. Дети Арбата. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=34985&p=7>

Возникает проблема сохранения позитивной привлекательности не разово, а на долговременную перспективу. Тем не менее найти анти-мягкую силу сложнее, чем средства мягкой силы. Американский молодёжный проект оказался удачным, поскольку предполагал:

- высокий уровень личной свободы (отсутствие авторитетов);
- низкий уровень требований к респонденту (главное не победа, а участие);
- возможность ведения расслабленного образа жизни, прежде всего – в период получения образования (главное – получить опыт и компетенции).

Победе американской идеологии над анти-мягкой силой СССР способствовало раскрепощение советского общества на фоне дискредитированной после XX съезда государственной идеологии. Появление «системного диссидентства» вроде КВН или кружков «золотой молодёжи» неизбежно снижало репрессивный потенциал системы без предложения позитива. В 1930-х годах на Западе не было «альтернативной» СССР культуры: и большевики, и капиталисты были людьми единой классической культуры, упакованной в пиджаки, классические платья, слушавшими одну и ту же музыку и лишёнными современных представлений о толерантности. Теперь идея «свободного Запада» получила зримое воплощение в виде «запрещённой рок-культуры».

Параллельно в советских фильмах 1970-х годов (вроде кинолент Э. Рязанова или Г. Данелии) формировался культ слабых и неволевых мужчин. Позднесоветский интеллигент, старавшийся уйти от традиционных форм маскулинности вроде службы в армии, был не прочь посидеть у телевизора, пока жена гладит бельё и ругает его за безделье. Для «старых большевиков» 1920-х годов (равно, как и для «старых солдат» Э.М. Ремарка или Э. Хемингуэя) трудно было представить большее унижение. Тип героической личности отбрасывался в советских фильмах в далёкое прошлое Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. *Американский леволибе-*

ральный проект попал в позднем СССР на благодатную почву, что сделало мягкую силу США весьма эффективной.

Для нейтрализации последней СССР требовалось предложить такую альтернативу, которая была бы способна привлечь западную модель превзойти, что само по себе задача сложная. Разумеется, теоретически контрпроект можно было найти – например, за счёт героизации облика участников локальных конфликтов, которые из раза в раз беспощадно побеждали бы в трудных боях детей масскульта. Тем не менее такой вариант требовал от позднесоветского общества потенциала мобилизации, которого оно с 1960-х годов уже не имело.

Альтернативный идеологический проект анти-мягкой силы сложнее шовинизма. Он должен транслировать позитивные и доступные образы, а не только культивировать ненависть. В противном случае он лишается своей привлекательности. Альтернативный проект также не должен знать крупных неудач, которые привели бы к переоценке ценностей его участниками. Противостоять мягкой силе с помощью альтернативной идеологии вполне можно. Тем не менее это потребует создания идеологии с мощным энергетическим потенциалом, её принятия населением и наличия элиты, готовой её распространять. Иначе говоря – мобилизации, причём как технической, так и духовной.

5

В современном мире жёсткие формы анти-мягкой силы не используются. Попытки противодействия мягкой силе перешли в область частичных информационных ограничений. Здесь есть ряд интересных примеров, которые в совокупности начинают формировать новый тип – анти-мягкой силы как политики культурных барьеров.

Её родоначальником можно считать *Францию*. Идеология голлизма, направленная на сохранение культурной идентичности страны, предполагала проведение мер защиты собственного языка от иностран-

ного влияния. Они получили название политики лингвистического дирижизма. Ещё 7 января 1972 г. был принят закон «Об обогащении французского языка», который ввёл для обязательного употребления термины в ряде отраслей, призванные заменить английские заимствования. 31 декабря 1975 г. президент Франции Валери Жискар д'Эстен (1974–1981) подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка, а значит, и чужой культуры. Он касался гарантий языкового статуса в коммерческих и некоторых других сферах во Франции. Запрещалось использование иноязычных терминов, если имелись французские аналоги. В общественных местах и на транспорте все вывески должны были быть на французском языке, и лишь в случае необходимости они могли дублироваться на иностранном. В 1977 г. была организована ассоциация AGULF, наблюдающая за претворением в жизнь закона 1975 года. Созданный в 1984 г. Генеральный комиссариат французского языка предполагал ужесточить санкции за нарушение закона 1975 года, расширить создание терминологических систем, а также стимулировать переводческую работу с тем, чтобы французский язык имел необходимые средства для отображения современного мира.

4 августа 1994 г. был принят «Закон Тубона» (Закон 94-665 от 4 августа 1994 г. касательно использования французского языка)²⁰, который закрепил статус французского языка как основного официального в документах правительства, на рабочем месте, в вывесках и маркировках товаров, коммерческих договорах, деловом общении и некоторых других областях. Автором нормативного акта стал консервативный министр культуры Жак Тубон. Важнейшим требованием законодательства стал обязательный поиск французского эквивалента любому английскому термину и использование последнего только при необходимости. При этом действие

закона не распространяется на сетевые и электронные средства информации, частные и некоммерческие структуры.

Языковое законодательство было дополнено Декретом от 3 июля 1996 г. об обогащении французского языка, составляющим юридическую основу для деятельности терминологических комиссий. На основе данного документа Французская Академия ежегодно утверждает новые лексические нормативы, хотя её решения носят рекомендательный характер. Французские толковые словари должны предлагать заимствованному (преимущественно английскому) термину эквивалент, с пометой *rec.offic.* «официально рекомендуемый», например: *joint-venture* — *coentreprise*; *voucher* — *bon d'échange*; *camping-car* — *autocaravane*. Такие попытки оказываются далеко не всегда удачными, поскольку нередко французские термины представляют собой сложные, многокомпонентные образования, эксплицирующие значение краткого и потому более удобного английского понятия (ср.: англ. *discount* и фр. *rabais sur un prix*).

Многие французские лингвисты встревожены не только нарастающим числом англицизмов, но и возникновением так называемых гибридных (смешанных) форм, имеющих в своём составе английскую и французскую основу. Например, *billet open* — билет с открытой датой, *surf aerien* — воздушный серфинг, а также возникновением смешанного языка, который получил название «франглийский» или «франгле» (*franglais*) [Deroy 1980: 12]. Сегодня франгле используется во Франции повсеместно: в живой речи, в Интернете, на телевидении, в печати, в музыке, в фильмах, в книгах. Особой популярностью он пользуется у молодёжи, тесно связанной с англоязычным культурным пространством. Подобные факты доказывают низкую результативность французской политики лингвистического дирижизма.

Компоненты политики языкового дирижизма использует Польша. Закон о поль-

²⁰ Loi n° 94-665 du 4 août 1994 (dite Loi Toubon. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Congress_of_the_Peoples_of_the_East

ском языке от 7 октября 1999 года²¹, предусматривает обязательность перевода международных соглашений на государственный язык, размещения надписей и информации в офисах и коммунальных службах на нём, а также обучения на польском языке в учебных заведениях всех уровней образования. Распространению польского языка, определению грамматических, орфографических, пунктуационных и других правил содействует созданный при Президиуме Польской академии наук Совет польского языка. При этом принятый 6 января 2005 г. Закон о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке²² подтвердил право граждан свободно использовать язык меньшинства в частной, общественной жизни.

В отличие от Франции *Иран* пошёл на более жёсткие меры по защите своего культурного пространства. Для этой страны, находящейся с начала 1980-х годов в противостоянии с США, Израилем и блоком нефтяных монархий, возглавляемым Саудовской Аравией, необходимость обеспечения информационной безопасности — одна из приоритетных задач. До начала 2010-х годов английский язык изучали в большинстве школ с шестого класса в качестве обязательного предмета, на него выделяли четыре урока в неделю. Позже его стали преподавать с первого класса начальной школы. В 2012 г. в государстве прошла реформа образования, одной из целей которой ставилось расширение преподавания иностранных языков в Исламской республике. Однако в 2016 г. аятолла Хаменеи выразил недовольство растущей популярностью курсов английского в иранских детских садах. «Моя позиция вовсе

не означает, что [я] вообще против изучения иностранных языков, однако рост популярности этих курсов является популяризацией иностранной культуры в нашей стране среди детей, а также молодых людей», — сказал он. Хаменеи подчеркнул, что в наши дни «колониалисты вместо того, чтобы заселять территории чужих стран, избрали более надёжный и дешёвый способ колонизации — внедрение образа мысли и культуры в головы представителей молодого поколения других государств»²³. В 2018 г. власти Ирана решили вывести изучение английского языка из программы начальной школы.

В укреплении анти-мягкой силы Иран делает ставку на информационное и киберпротивоборство. Функции пропаганды и контрпропаганды возложены на Министерство культуры и исламской ориентации (МКИО) и подчинённую ему Организацию культуры и исламских связей (ОКИС). В сентябре 2002 г. иранское ведомство приняло решение, согласно которому услуги по предоставлению доступа в Интернет могут оказывать только государственные телекоммуникационные компании. Провайдером разрешается предоставлять доступ в Интернет только через государственную телекоммуникационную сеть. Решением парламента в апреле 2003 г. в Иране был создан Высший совет по информационным технологиям и информационной политике²⁴. Главными его задачами стали выработка концепции информационной политики государства, подготовка концепции формирования информационного общества в Иране.

В марте 2012 г. был создан Верховный совет по киберпространству, определяю-

²¹ Закон Республики Польша от 07.10.1999 о польском языке. [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/10/19/zakon_respubliki_polsha_ot_07101999_o_polskom_yazyke

²² Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [Zasób elektroniczny] / Sejm. — Dostęp. [Электронный ресурс] URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU200501701411>

²³ «Иран сейчас как СССР в начале 80-х» // Газета.ру. 11 января 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/01/10/11604386.shtml?updated_

²⁴ Сурков В.Н. Проблема информационной безопасности в Исламской Республике Иран // Институт Ближнего Востока. 14 мая 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3636>

щий и координирующий государственную политику в сфере кибербезопасности. Этот орган, который возглавляет президент Ирана, формируется из руководителей ключевых госструктур и ведомств — меджлиса (парламента), Корпуса стражей исламской революции, Министерства разведки, Министерства науки, исследований и технологий, Министерства культуры, Министерства связи и информации, полиции, судебной системы, государственных телерадиокоммуникационных компаний, научных организаций. Известно также о создании в структуре Верховного совета по киберпространству Центра национальной кибербезопасности Ирана.

Примеры Франции и Ирана нередко противопоставляются в публицистике как успешный (иранский) и малоуспешный (французский). При этом часто игнорируются три важных момента. *Во-первых*, Тегерану намного легче защищать свою культуру от «англицизмов» из-за различия алфавитов и принадлежности не только к разным даже типам языков: английский относится к аналитическим, персидский — к флективным. *Во-вторых*, Иран отвергает американское лидерство, в то время как Франция в целом его принимает. *В-третьих*, неизвестна и степень влияния «англицизмов» на современную молодёжную культуру Ирана. Английский язык сохраняет статус международного, и лингвистическая анти-мягкая сила пока обеспечивает лишь частичное ограничение его влияния. Вопрос заключается в том, как далеко смогут государства пойти в создании таких барьеров, какой сегмент национального культурного пространства им удастся вновь забрать у англоязычного поля.

6

В современном мире отсутствуют всеобъемлющие проекты анти-мягкой силы.

Возможно, это связано с отсутствием сильных ревизионистских режимов и преобладанием с конца 1980-х годов либеральной идеологии. В этих условиях появление искусственного интеллекта (ИИ) создаёт потенциал для возрождения проектов анти-мягкой силы на качественно новой основе.

Идея технической защиты своего информационного пространства от иностранного воздействия зародилась в США. Закон о радио 1912 г. запретил иностранцам владеть американскими радиостанциями²⁵; одноимённый акт 1927 г. ограничил участие иностранцев в американских радиостанциях 20% пакета акций и / или уставного капитала²⁶. Акт о регистрации иностранных агентов 1938 г. требовал, чтобы организации, представляющие в американской политике иностранные правительства, а также зарубежные физические и юридические лица раскрывали свои занятия и источники финансирования. Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США (Акт Вурхиса), 1940 г. регулировал деятельность организаций, связанных с международными или иностранными политическими структурами, или, согласно определению правительства США, «организаций, являющихся субъектами иностранного влияния»²⁷.

Период «холодной войны» был в этом смысле двойственным. Обе сверхдержавы внешне ограничивали проникновение идеологии противника. Вместе с тем общественное мнение и в СССР, и в США не принимало логику «осаждённой крепости», в отличие от межвоенного периода. Американцы ответили массовыми демонстрациями протеста на маккартизм 1950-х годов с его призывом повсюду искать коммунистических шпионов. Для советского общества пассивной формой протеста ста-

²⁵ An Act to Regulate Radio Communication" (37 Stat. 302) URL: [<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hnfe4a&view=1up&seq=10>]

²⁶ Radio Act of 1927 (Public Law 69-632), URL: [[https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b45924&view=1up&seq=204](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b45924&view=1up&seq=204)]

²⁷ The Foreign Agents Registration Act. URL: [https://web.archive.org/web/20141121095831/http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/crm02063.htm]

ли массовое увлечение импортными товарами и высокий престиж поездок в капиталистические страны. Ментальности «поиска шпионов повсюду» в стиле 1930-х годов в СССР и США не было. С какого-то момента общественность и в Советском Союзе, и в Соединённых Штатах начала смотреть на шпиономанию и гонку вооружений с изрядной долей иронии — достаточно вспомнить «бондиану» или песни Владимира Высоцкого.

Пока информационные технологии защиты на порядок уступают технологиям нападения. Тем не менее средства противодействия постепенно совершенствуются, и соотношение между мягкой и анти-мягкой силами может начать выравниваться. Тренд 2010-х годов — медленный распад глобального информационного пространства на национальные сегменты. Это неизбежно повысит контролируемость информационных ресурсов со стороны государств. Современные технологии наполняют новым содержанием политику анти-мягкой силы. Они укрепляют четыре направления, с помощью которых можно успешно бороться с МС противника.

1. *Создание информационной альтернативы.* В данном случае речь идёт о создании альтернативы американскому спутниковому телевидению. Пионером этого направления выступил катарский канал «Аль-Джахира», открытый в 1996 г. Его примеру последовал канал ЕС «Евроьюз», затем Россия, создавшая канал «Russia Today» и информационную систему «Спутник». Попытка оказалась настолько успешной, что США и Великобритания стали активно противодействовать их деятельности. Между тем попытки ограничить нередко поднимают популярность того, против кого они направлены. Лишение оппонента возможности информационного доминирования само по себе сужает его ресурсы для распространения мягкой силы.

2. *Контроль над сегментами Интернета.* До середины 2000-х годов американцы изображали эту меру как «самозащиту авторитарных режимов». Имелась в виду практика блокировки ряда сайтов и соци-

альных сетей в Китае, странах Центральной Азии, арабских государствах. В 2010-х годах сами страны Запада стали использовать эту практику: достаточно вспомнить законодательные инициативы в США о борьбе с российским вмешательством в выборы. Речь в данном случае идёт не об ограничении информации оппонента, а, скорее, об облегчении формирования собственной картины мира.

В пылу дискуссий о российском вмешательстве в американские выборы в стороне остаётся важный вопрос: что же происходит с американским обществом, если на него могут воздействовать какие-то иностранные хакеры? В предшествующие периоды в США вопрос о создании «фейковых аккаунтов» вызвал бы смех, по логике: не нравится — не читай. Гражданин информационно защищённого общества отвергнет пост, выходящий за рамки устоявшегося консенсуса. Как утверждал немецкий философ Иммануил Кант, «таково свойство неверия: оно подвергнет сомнению сами предъявленные факты». Похоже, что логика Канта перестаёт действовать в США. Информация становится настолько влиятельной, что ищутся пути противодействия её распространению.

3. *Переформатирование дискуссий.* Эту технологию в своё время хорошо освоили американские аналитические центры. В ходе дискуссий вполне допускается критика оппонента, но в заранее определённом ключе [Кубышкин, Цветкова; 2013]. Например, можно критиковать США за «чрезмерное применение силы» в Ираке, но при этом игнорируется принципиальный вопрос о том, а кто, собственно, дал Вашингтону право применять военную мощь за пределами своих границ. При определённых условиях такое перепрограммирование дискуссии можно использовать и против самого транслятора мягкой силы.

Для субъекта мягкой силы болезненным ударом будет сомнение в его моральном авторитете. Разрушение его дискурса производится, как правило, двумя путями. Первый — постановка вопроса о том, что

он такой, чтобы выступать авторитетом? Второй — навязывание оппоненту дискуссии об относительности его моральных норм в чеховской логике «никто не знает настоящей правды». В этом случае транслятор мягкой силы должен будет перейти от наступления в позицию обороны. Вместе с тем для этого нужны: а) наличие у оппонента мощного информационного оружия; б) его готовность не принимать блага транслятора мягкой силы или переформатировать их в свою пользу

4. *Маргинализация оппонента.* Мягкая сила представляет собой инструмент борьбы за колеблющихся, а не за переубеждение врагов, поэтому её внедрение проводится в три этапа. Первый — максимальное привлечение на свою сторону колеблющихся. Второй — разделение врагов на умеренных и радикалов, с последующим заключением соглашения с первыми. Третий этап — неизбежно наступающий вслед за этим раскол среди радикалов, где пример встроенных в систему умеренных сам по себе провоцирует часть оставшихся оппонентов к поиску соглашения. Только на четвёртом этапе происходит маргинализация наиболее непримиримых противников и создаются предпосылки для их уничтожения. Соответственно, применение анти-мягкой силы требует блокировки мягкой силы противника уже на самом первом этапе, за счёт сокращения количества колеблющихся.

Успех будущей анти-мягкой силы связан с ключевым вопросом: способностью общества к мобилизации. Понятие «мобилизация» означает совокупность мероприятий, направленных на приведение вооружённых сил и государственных институтов в военное положение. В широком смысле мобилизационный проект — это использование военных (силовых) методов управления для достижения национальных целей. В современном мире с сохраняющимся культом глобализации, открытости и всевозможных прав он кажется чем-то уста-

ревшим. Однако мобилизационные проекты вполне могут и вернуться, пусть и на новой основе.

Потенциал для предыдущей мобилизации начал закладываться в 1870-х годах. Именно в это десятилетие ведущие державы отказались от политики «свободной торговли» и сделали ставку на протекционизм — создание национальных промышленных комплексов. Тогда же почти все великие державы перешли к системе общей воинской обязанности. Этому способствовали технические новации конца XIX века: быстрый рост сети железных дорог, телеграфных линий, изобретение радио, прогресс в воздухоплавании. Именно эти достижения впервые в истории сделали технически возможным управление крупными массами. Последующие мобилизации времён Первой и Второй мировых войн стали продуктом идейно-технологического прорыва.

Период «холодной войны» был временем упадка мобилизационных проектов. Советское и американское общества не желали повторения Второй мировой войны и не были готовы воспринять взаимную вражду и нетерпимость как естественное состояние двусторонних отношений. Отсутствие «больших войн» снижало необходимость в институте общей воинской обязанности и делало нецелесообразным содержание переразвитых военно-промышленных комплексов (ВПК). Расширяющийся культ потребления, молодёжные протесты, «шестидесятники» и самоирония — всё это было симптомами сокращения влияния мобилизационной идеи развития. Ирония над «шпиономанией» также была его частью.

Кризис глобализации ставит вопрос о том, что придёт ей на смену. Торговые войны, санкции и эмбарго 2010-х годов означают постепенный отказ от глобальной экономики в пользу национального протекционизма. Государствам вновь потребуется внутренняя мобилизация для до-

²⁸ Если движение капиталов и товаров ограничено, то мобилизация — единственно реальная форма его компенсации.

стижения экономических прорывов²⁸. Современные электронные СМИ могут формировать массовое сознание граждан, а цифровые технологии увеличивают возможность наблюдения за их частной жизнью. Тем не менее могут ли они мобилизовать их на решение коллективных задач, пока неизвестно.

К началу XXI в. либеральная демократия столкнулась с новым вызовом. Развитие информационных технологий позволило быстро манипулировать общественными настроениями и голосованиями на выборах [Косолапов 2004: 10–11]. Даже в США заговорили об опасности выхолащивания политического содержания из институций, которые внешне остаются демократическими. Мобилизация против «опасного врага», возможно, позволит американскому обществу зафиксировать переход к более управляемым демократическим процессам.

Нам трудно представить себе, что мобилизационный мир может вернуться. Тем не менее столь же трудно было благополучному европейцу времен Марселя Пруста и Льва Толстого предположить, что в его мире поворот к мобилизационному развитию уже произошёл. Ещё меньше люди 1870-х годов могли представить, что мобилизационные эксперименты создадут в итоге базу для Второй мировой войны. Между тем по мере увеличения мобилизационных компонентов враждебность между США и Россией (как и между другими государствами) будет не ослабевать, а нарастать. Эта враждебность будет напоминать скорее не времена «холодной войны», а более отдалённое прошлое.

* * *

Анти-мягкая сила выступала в истории мощным средством блокировки влияния одной страны на другую. Изучение этого явления в рамках либеральной парадигмы не представлялось возможным ввиду навязываемого ей тезиса о безальтернативности либеральной идеологии. Между тем анти-мягкая сила как совокупность технологий

противодействия идеологическому влиянию не раз успешно реализовывалась в политической практике. В её структуре можно выделить три основных типа политики: (1) анти-мягкая сила на основе шовинизма; (2) анти-мягкая сила на основе альтернативного проекта; (3) анти-мягкая сила на основе частичных (сегментарных) ограничений информационного воздействия противника. Каждый из них может принести своим основателям как дивиденды, так и политические издержки.

В основе мягкой и анти-мягкой сил лежит «Я-концепция»: совокупность представлений субъекта о самом себе и своём месте в окружающем мире. Теория мягкой силы построена на том, что объект её применения будет готов признать своё вторичное, то есть подчинённое, положение. Принятие чужих норм означает для субъекта закрепление зависимого или, точнее, младшего положения в некоей иерархии. Применение мягкой силы возможно только в отношении субъекта, который не обладает большими политическими амбициями, готов взаимодействовать в рамках существующего мирового порядка и, главное, признать превосходство носителя оппонента. Если субъект считает себя превосходящим носителя мягкой силы, то воздействие на него невозможно.

Анти-мягкая сила построена на иной основе. Её «Я-концепция» предполагает, что субъект изначально не готов признать превосходство оппонента, а главное, его правила игры. Такой субъект обладает серьёзными политическими амбициями, не признаёт превосходства над собой каких-либо норм и не готов принять подчинённое положение. Такой субъект может быть сильным или слабым, но он не будет готов согласиться с тем, чтобы стать «младшим» или «вторым» в сообществе. В период глобализации таких субъектов было немного. Однако обозначившийся глобализационный кризис может снова сделать таких субъектов заметной силой в межгосударственных отношениях.

Список литературы

- Акопян Л. Музыка XX века: энциклопедический словарь // Науч. ред. Е. Двоскина. М.: Практика, 2010. 855 с.
- Алексеева Т. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений / Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 2016. Ялта. С. 5–21.
- Алленов С. «Консервативная революция» в Германии 1920-х — начала 1930-х годов (Проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С. 94–107.
- Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 36–46.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
- Богатуров А. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.
- Бурлинова Н. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления // Вестник аналитики. 2014. № 3 (57). С. 28–45.
- Васильева В. Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев // Известия Восточного института. 2002. № 4. С. 49–63.
- Гатов В. Postjournalist: Журналистика после «цифрового перехода». М.: Издат. решения, 2015. 299 с.
- Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
- Гиля-Новицкая Т. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 206 с.
- Грамши А. Избранные произведения. Т. 3 Тюремные тетради. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 565 с.
- Грегориус Ф. История города Афин в Средние века. СПб., 1900. 392 с.
- Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация / Пер. с фр. И. Эльфонд. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 528 с.
- История человечества. Всемирная история. Т. 5 / Пер. с нем. Под общ. ред. Г. Гельмольца. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1896. 612 с.
- Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М.: Эксмо, 2018. 188 с.
- Косачёв К. Мягкая сила и жёсткая сила — не сумма, но произведение // Индекс Безопасности. 2013. Т. 19. № 4 (107). С. 11–18.
- Косолапов Н.А. Свобода и несвобода в глобальном миропорядке // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6). С. 4–17.
- Круляк М., Арешидзе Л. Япония: идеология национализма // История и современность. 2010. № 2. С. 185–215.
- Кубышкин А., Цветкова Н. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
- Купчинский Ф. Новая Япония. СПб.: Посев, 1911. 264 с.
- Ливен А. Анатолия американского национализма. М.: «Э», 2015. 512 с.
- Лобанова Д. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях // Международные процессы. Т. 15. № 2 (49). С. 77–88.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ.; Отв.ред. и сост. Я. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Мещераков А. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 246–265.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
- Паршин П. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.
- Печатнов В. «Любовь-горечь» к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 30–40.
- Почепцов Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 381 с.
- Ратген К. Возрождение Японии / Пер. с нем. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1903. 24 с.
- Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., 1993. С. 5–151.
- Соркин Г.З. Первый съезд народов Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 80 с.
- Фихте И.Г. Сочинения. В 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. 1485 с.
- Шлезингер А. Циклы американской истории / Пер. с англ.; Закл. ст. Терехова В. М.: Изд. группа «Прогресс»; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 672 с.
- Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol.18. No. 3. P. 396–397.
- Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. 562 p.

- Almond G.* The American People and Foreign Policy. New York: Praeger, 1950. 269 p.
- Angell N.* The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. New York: G.P. Putnam's & Sons, 1910. 388 p.
- Buchner B.* Wagners Welttheater. Die Geschichte der Bayreuther Festspiele zwischen Kunst und Politik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. 256 s.
- Chickering R.* We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. London: Harper Collins Publishers, 1984. 267 p.
- Deroy L.* L'emprunt linguistique. [Borrowing of Language]. Paris: Les Belles Lettres, 1980. 485 p.
- Ferguson N.* Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004. 400 p.
- Global Governance and Diplomacy / ed. by A. Cooper, B. Hocking, W. Maley. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 330 p.
- Goodrick-Clarke N.* The Occult Roots of Nazism: The Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935. Wellingborough: The Aquarian Press. 1985. 296 p.
- Holik G.* Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 126. No. 2. P. 223–254.
- Kann R.* A History of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1980. 662 p.
- Kitahara M.* Children of the Sun: the Japanese and the Outside World. Sandgate: Paul Norbury Publications, 1989. 160 p.
- Leonard M., Stead C., Smewing C.* Public Diplomacy. London: Foreign Policy Centre, 2002.
- Nolte E.* Die Weimarer Republik: Demokratie zwischen Lenin und Hitler. Munchen: Herbig, 2006. 432 p.
- Nye J.* Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>
- Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
- Parsons T.* The Social System. New York: The Free Press, 1951. 575 p.
- Pateman C.* Political Culture, Political Structure and Political Change // British Journal of Political Science. 1971. Vol. 1. No. 3. P. 291–305.
- Petzelt M., Bunz A.* Gebaute Träume: Die Schlösser Ludwigs II [Built dreams: The castles of Ludwig II]. Munchen: Hirmer, 1995. 305 p.
- Sims R.* Japanese Political History since the Meiji Revolution, 1868–2000. New York: Palgrave Macmillan, 2001. 395 p.
- Strohm H.* Die Gnosis und der Nationalsozialismus [Gnosis and National Socialism]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 292 p.
- Stunz H.* Hitler und die "Gleichschaltung" der Bayreuther Festspiele // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2007. Vol. 55. No. 2. P. 237–268.
- Vickers M.* The Thunderbolt of Zeus: Yet More Fragments of the Pergamon Altar in the Arundel Collection // American Journal of Archaeology. 1985. Vol. 89. No 3. P. 516–519.
- Walker C., Ludwig J.* Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies, 2017. 124 p.
- Weber M.* Selections in Translation, Cambridge University Press, 1978. 410 p.

ANTI-SOFT POWER IN POLITICAL THEORY AND PRACTICE

ALEXEY FENENKO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The article deals with the study of the anti-soft power. The concept of soft power took over the modern political discourse. The opportunities to counteract such power have not been considered properly so far. The proponents of liberal paradigm, trapped in ideology of its exclusiveness, failed to study this issue.

Thus, the present article aims at answering the question whether there exists an anti-soft power, both as ideology and practice, which could be efficient enough for the state to protect itself from the impact of external informational and cultural influence. The theory of soft power is based on the idea that its object accepts normative subordination. Consequently, such object should not pursue major political ambitions, should be ready to collaborate within the established world order and, above all, agree with superiority of the world leaders and the rules they impose. Anti-soft power is different. The core idea is that its holder is not willing to comply with the opponent's superiority as well as its rules of the game. The subject of anti-soft power is politically ambitious and never recognizes its dependence or inferiority. Regardless of being strong or weak, it will not admit its junior or secondary position in a community. We saw a few such subjects during the era of globalization. However, the globalization crisis may change the situation and thus give rise to a new political trend, that is the resurgence of anti-soft power. The article states that anti-soft power has repeatedly blocked the attempts of one country to influence another country. In the course of history, we can single out three main types of policy: 1) the policy based on supremacism, or chauvinism; 2) the policy based on ideological alternatives; 3) the policy based on segment restrictions of the opponent's soft power. Each of these, though, can bring its subjects both political benefits and unwanted costs.

Keywords:

soft power; anti-soft power; cultural policy; ideology; propaganda; counter-propaganda; liberalism.

References

- (2018). *Kodeks Bushido. Khagakure. Sokrytoe v listve* [Bushido Code. Hagakure. Hidden by the Leaves]. Moscow: Eksmo. 188 p.
- Akopyan L. (2010). *Muzyka XX veka: entsiklopedicheskij slovar'* [Music of the XX century: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Praktika. 855 p.
- Alekseeva T. (2016). "Myagkaya sila" v teorii i praktike mezhdunarodnyh otnoshenij ["Soft power" in the theory and practice of international relations]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya. Identichnost' i povsednevnost' v strukture zhiznennogo mira. XXX Harakskij forum*. Yalta. P. 5–21.
- Allenov S. (2003). "Konservativnaya revolyutsiya" v Germanii 1920-kh — nachala 1930-kh godov (Problem interpretatsii) [The "Conservative Revolution" in Germany in the 1920s and early 1930s (Problems of Interpretation)]. *Polis*. No 4. P. 94–207.
- Almond G. (1950). *The American People and Foreign Policy*. New York: Praeger. 269 p.
- Almond G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*. Vol. 18. No. 3. P. 396–397.
- Almond G., Verba S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press. 562 p.
- Angell N. (1910). *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage*. New York: G.P. Putnam's & Sons. 388 p.
- Bajkov A. (2014). «Myagkaya moshch'» Evropejskogo Soyuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-rossijskij trek [The EU Soft Power in the Global Equilibrium] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. No. 2 (35). P. 36–46.
- Berdyayev N. (2007). *Sud'ba Rossii*. [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo. 640 p.
- Bogaturov A. (2004). Istoki amerikanskogo povedeniya [The sources of American conduct]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 6. P. 80–97.
- Buchner B. (2013). *Wagners Welttheater. Die Geschichte der Bayreuther Festspiele zwischen Kunst und Politik*. [Wagner's world theater. The history of the Bayreuth Festival between art and politics]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Burlinova N. (2014). Publichnaya diplomatiya Rossii: praktika i problemy stanovleniya [Russian public diplomacy: practice and problems of formation]. *Vestnik analitiki*. Vol. 57. No. 3. P. 28–35.
- Chickering R. (1984). *We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914*. London: Harper Collins Publishers. 267 p.
- Cooper A., Hocking B., Maley W. (eds). (2008). *Global Governance and Diplomacy*. New York: Palgrave Macmillan. 330 p.
- Deroy L. (1980). *L'emprunt linguistique*. Paris: Les Belles Lettres. 485 p.
- Eliseeff V., Eliseeff D. (2006). *Yaponskaya tsivilizatsiya* [Japanese civilization]. Yekaterinburg: U-Factoria. 528 p.
- Ferguson N. (2004). *Colossus: The Price of America's Empire*. New York: Penguin Press. 400 p.
- Fihte I. G. (1993) *Sochineniya v 2-h tomah*. Sankt-Peterburg.: Mifril. 1485 s.

- Gatov V. (2015). *Postjournalist: Zhurnalistska posle "tsifrovogo perekhoda"* [Postjournalist: Journalism after the "Digital Transition"]. Moscow: Izdat. resheniya. 299 p.
- Gila-Novickaya T. (1990). *Kul't imperatora v Yaponii: mify, istoriya, doktriny, politika*. [The cult of the Emperor in Japan: myths, history, doctrines, politics]. Moscow: Nauka. 206 p.
- Goodrick-Clarke N. (1985). *The Occult Roots of Nazism: The Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935*. Wellingborough: The Aquarian Press. 296 p.
- Gramsci A. (1959). *Izbrannye proizvedeniya. T.3 Tyuremnye tetradi*. [Selected works. Prison notebooks]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury. 565 p.
- Gregorovius F. (1900). *Istoriya goroda Afin v srednie veka*. [History of the city of Athens in the Middle Ages]. Saint Petersburg. 392 p.
- Hegel G. (1993). *Lekcii po filosofii istorii*. [Lectures on the philosophy of history]. Sankt-Petersburg: Nauka. 350 p.
- Holik G. (2011). Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia. *Political Science Quarterly*. Vol. 126. No 2. P. 223–254.
- Gelmolt G. (ed.) (1896). *Istoriya chelovechestva. Vsemirnaya istoriya*. [History of mankind. World history]. Vol. 5. Saint Petersburg: Prosveshchenie.
- Kann R. (1980). *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918*. Berkeley: University of California Press. 662 p.
- Kitahara M. (1989). *Children of the Sun: the Japanese and the Outside World*. Sandgate: Paul Norbury Publications. 160 p.
- Kosachev K. (2013). Myagkaya sila i zhyostkaya sila – ne summa, no proizvedenie [Soft power and hard power are not the sum, but the product]. *Indeks Bezopasnosti*. Vol. 19. No. 4. P. 11–18.
- Kosolapov N.A. (2004). Svoboda i nesvoboda v global'nom miroporyadke [Freedom and Non-Freedom in the Global Order] // *Mezhdunarodnye processy*. 2004. T 2. № 3 (6). S. 4–17.
- Krupnyanko M., Areshidze L. (2010). Yaponiya: ideologiya natsionalizma [Japan: ideology of nationalism]. *Istoriya i sovremennost'*. No. 2. P. 185–215.
- Kubyshekin A., Cvetkova N. (2013). *Publichnaya diplomatiya SShA*. [Public diplomacy of the USA]. Moscow: Aspekt Press. 271 p.
- Kupchinskij F. (1911). *Novaya Yaponiya* [New Japan]. Saint-Petersburg: Posev. 264 p.
- Leonard M., Stead C., Smewing C. (2002). *Public Diplomacy*. London: Foreign Policy Centre.
- Liven A. (2015). *Anatomiya amerikanskogo natsionalizma*. [Anatomy of American nationalism]. Moscow: E. 512 p.
- Lobanova D. (2017). Kontseptual'nye podkhody k opredeleniyu ponyatiya sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Conceptual approaches to Definition of Power in IR Theory]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 15. No. 2. P. 77– 88.
- Manheim K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni (sbornik)* [Diagnosis of our time (Edited Volume)]. Moscow: Yurist. 700 p.
- Meshcheryakov A. (2009). Otkrytie Yaponii i reforma yaponskogo tela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The discovery of Japan and the reform of the Japanese body (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 100. P. 246–265.
- Moskovichi S. (1996). *Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psikhologii mass*. [The age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. Moscow. 478 p.
- Nolte E. (2006). *Die Weimarer Republik: Demokratie zwischen Lenin und Hitler*. Munchen: Herbig. 432 p.
- Nye J. (2006). Think Again: Soft Power. *Foreign Policy*. 2006. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>
- Nye J. (2004). *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 191 p.
- Parshin P. (2014). Dva ponimaniya "myagkoj sily": Predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two Understandings of Soft Power: Preconditions, Correlations and Consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 2. P. 14–21.
- Parsons T. (1951). *The Social System*. New York: The Free Press. 575 p.
- Pateman C. (1971). Political Culture, Political Structure and Political Change. *British Journal of Political Science*. Vol. 1. No. 3. P. 291–305.
- Pechatnov V. (2006). "Lyubov'-gorech'" k Amerike [Bitter love for America]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 4. No. 1. P. 30–40.
- Petzelt M., Bunz A. (1995). *Gebaute Träume: Die Schlösser Ludwigs II. von Bayern*. Munchen: Hirmer. 305 p.
- Pochepcov G. (2003). *Informatsionno-politicheskie tekhnologii* [Information and political technologies]. Moscow: Centr. 2003. 381 p.
- Ratgen K. (1903). *Vozrozhdenie Yaponii* [The Revival Of Japan]. Saint Petersburg: A.V.Orlov press. 24 p.
- Shlesinger A. (1992). *Tsikly amerikanskoy istorii* [Cycles of American history]. Moscow: Progress. 688 p.

- Sorkin G. (1961). *Pervyj s'ezd narodov Vostoka*. [First Congress of the peoples of the East]. Moscow : Izdatelstvo vostochnoy literatury. 80 p.
- Spengler O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. [The Decline of the West. Essays on the morphology of world history]. Vol. I. Moscow.: Mysl'. 672 p.
- Sims R. (2001). *Japanese Political History since the Meiji Revolution, 1868–2000*. New York: Palgrave Macmillan. 395 p.
- Strohm H. (1997). *Die Gnosis und der Nationalsozialismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 292 p.
- Stunz H. (2007). Hitler und die „Gleichschaltung“ der Bayreuther Festspiele. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Vol. 55. No. 2. P. 237–268.
- Svas'yan K. (1993). Osval'd Shpengler i ego rekvium po Zapadu [Osvald Spengler and his Requiem for the West]. In: Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. Vol. I. M.: Mysl'. P. 3–151.
- Vasil'eva V. (2002). Problemy kul'turnoj identifikatsii yaponcev v epokhu Mejdzi (1868–1912) glazami evropejtssev [Problems of cultural identification of the Japanese in the Meiji era (1868–1912) through the eyes of Europeans]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 4. P. 49–63.
- Vickers M. (1985). The Thunderbolt of Zeus: Yet More Fragments of the Pergamon Altar in the Arundel Collection. *American Journal of Archaeology*. Vol. 89. No. 3. P. 516–519.
- Vojnovich V. (2002). *Antisovetskij Sovetskij Soyuz* [Anti-Soviet Soviet Union]. Moscow: Masterik. 209 p.
- Walker C., Ludwig J. (2017). *Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World*. Washington D.C.: National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies. 124 p.
- Weber M. (1978). *Selections in Translation*, Cambridge University Press. 410 p.